

Татьяна Краснова

Алина

Серия «Знакомые лица»

Издательские решения

По лицензии Ridero

2016

УДК 82-3
ББК 84-4
К78

Краснова Татьяна

К78 Алина : Серия «Знакомые лица». — [б. м.] : Издательские решения, 2016. — 108 с. — ISBN 978-5-4474-7869-8

Шестилетняя девочка оказалась совсем одна посреди улицы в чужом городе. Бабушка привезла ее в поисках отца, о котором известны только имя и фамилия. Неожиданно старушке стало плохо, и ее увезла «скорая». Но совершенно чужие люди берут на себя заботу об Алине, мало того — проникаются к ней симпатией. Того и гляди выстроится очередь желающих взять ее к себе.

**УДК 82-3
ББК 84-4**

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Врач из Москвы

— НАКОНЕЦ-ТО настоящее лето, правда? Ребятам хорошо,купаются. Ваши тоже на пляже?

Валентина подняла голову от клумбы, над которой наклонилась на ходу — выдрать негодный сорняк, потеснивший пионы. За забором стояла широколицая улыбчивая женщина лет сорока.

— Я Люба Ларионова, ваша соседка, — назвалась она. — Мы напротив живем, где сосна с двумя макушками. Хорошо, что вы приехали — дом без присмотра не будет стоять. Домам вообще нельзя долго пустовать, они тогда быстро ветшают. Вы на лето к нам в Белогорск? Лончинские теперь только к осени вернутся? Вас ведь Валентина зовут? А вашего мужа — Валентин? Как хорошо, Валентин и Валентина!

Сто слов в минуту. И голос какой звучный. Хоть и стоит за забором, а сразу заполнила собой всё пространство.

Машинально поздоровавшись, Валентина соображала, не будет ли теперь постоянно подвергаться таким громогласным нашествиям. После московской жизни так хотелось тишины. А эта дача стала просто подарком судьбы. Собственно, даже не дача — знакомый мужа, тоже врач, любезно разрешил пожить в его доме, пока он с семьей в отъезде. Снять дачу им не по карману, первый раз удалось девчонок на природу вывезти. Правда, мужу далеко вато на работу ездить, до Москвы почти два часа — но здесь многие ездят, и ничего.

А Валентина просто наслаждалась непривычным простором и, главное, тишиной — многочисленные комнаты и большой сад поглощали детский гомон. Да никто особенно и не гомонит: тринадцатилетняя Ксюша всё время на пляже, малышка Настя — или в саду, или возится

со своими хомячками и черепашкой, да еще с кошкой Лончинских, которая осталась им на воспитание.

А сама Валентина, неожиданно предоставленная самой себе, вдруг ощутила себя прежней, восемнадцатилетней — в девятнадцать она уже была женой доктора Егорова, тогда еще студента, и молодой мамой. Мастером по росписи глиняной игрушки она так и не стала: нашла подработку в парикмахерской, в подвальчике своего же дома, выучилась щелкать ножницами, и годы побежали. Особенно когда Настюша родилась. И ведь действительно удобно: всегда можно домой заскочить или подмениться, семья устроена, все довольны.

А когда приехала сюда и вдруг обнаружила эту белую глину на Белом озере — то как будто и не было половины жизни с подвальчиком! Накопала для пробы в Настино ведро, незаметно поставила его в сарай и собиралась попробовать полепить, когда все разойдутся. Даже боязно немного, вспомнят ли пальцы. Прямо не верится: чтобы воплотить и прежние, забытые мечты, и уже возникшие новые, надо только пройти по дорожке мимо клумбы с пионами!

И вдруг — соседка.

Соседи — это, конечно, важно, да и одичаешь без общения в самом райском уголке. Вот только бывают люди, готовые общаться двадцать четыре часа в сутки, словно дома их дела никакие не ждут...

— ...сбежала наконец-то в отпуск, и дочку к себе привезла, у нее срок уже большой, а тут всё-таки и покой, и воздух, и я за ней поухаживать могу. Но что-то мне Женька не нравится, — продолжала Люба немного потише и невольно оглядываясь на свой дом. — Такая вялая, бледная. Не ест ничего. Я слышала, ваш муж — доктор, может, посмотрел бы?

— Так ведь он хирург, а не гинеколог, — развела руками Валентина: ну вот, боялась за свой покой, а у этой Любы, оказывается, ребенок нездоров, хоть и взрослый. Отсюда

и словоизвержение — иногда человек от смущения слова сказать не может, а иногда — остановиться.

— Ну, все-таки — врач из Москвы. И вообще, настоящий врач — не важно, какая там у него специальность, — всё равно не ошибется, — убежденно сказала Люба. — Интуиция не обманет. Я понимаю, неудобно дома беспокоить, да еще в пятницу, после рабочей недели. Но, может быть — Валентин Юрьевич, правильно? — хоть на минутку зашел бы?

Валентина и не собиралась ей отказывать, к мужу и дома соседи постоянно забегали. Вот только не задержится ли он сегодня? Отпускной сезон, постоянно приходится кого-то подменять.

— Попробую позвонить ему на мобильник.

Только когда Егоров ответил, что приедет вовремя и обязательно зайдет к соседям, а если понадобится — договорится о консультации с нужным специалистом, Люба облегченно вздохнула.

— Вот спасибо. А то в больницу Женьку везти под выходные — вдруг перестрахуются и положат? А ее от себя отпускать прямо страшно — и так совсем приуныла, не улыбается, не реагирует ни на что, как неживая. Я растерялась, не знаю, как лучше — не беспокоить или, наоборот, постараться расшевелить. Может, думаю, боится? Так все бояться первый раз, но не до такой же степени... И зять, Игорек, тоже паникер, глядит на нее, весь бледный, чуть не трясется, тоже не знает, чем помочь. Уж я его с Сереежкой, с сыном, на пляж услала, на озеро. А у самой постоянно в голове: а вдруг что-то, не дай бог, не так пошло? Уж лучше пусть врач поскорей посмотрит и определит. Тут главное вовремя, уж я-то знаю. У меня был жених, за которого я не вышла замуж, он окончил медицинский, и когда я в роддоме лежала, а весь персонал зарплату ушел получать и меня с санитаркой оставили — что там, первородящая, думали, надолго. Так вот, а он из другого корпуса прибежал и врача ко мне привел с акушеркой — и как раз вовремя!

Вот я его тогда только и оценила. Так что в таком положении главное, чтобы помощь подоспела вовремя...

Валентина слушала ее теперь уже сочувственно, пыталась успокоить, предложила домашнего кваса, спасающего от жары. Но Люба заторопилась к дочери:

— Боюсь надолго оставлять. Лучше побегу, душа не на месте.

Валентина вышла за калитку немного ее проводить, как вдруг вырулил милицейский «козлик» и затормозил... прямо рядом с ними. А из него по очереди вылезли молодой мужчина в шортах и майке и точно так же одетые подростки, мальчик и девочка.

Люба потрясенно перечисляла:

— Игорь! Сережка!

— Ксюша! — таким же тоном продолжила Валентина.

— Что случилось?!!

На стоящую рядом худенькую девочку лет шести–семи, в беленькой панамке, никто не смотрел.

Чужих детей не бывает

У ЛЮБЫ Ларионовой сегодня был не лучший день. Когда отъехала машина «скорой помощи», увозящая Женьку в больницу, она опустила на крыльцо, да так и осталась сидеть.

Сосед, Егоров, производил впечатление знающего специалиста, и когда он настоял на немедленной госпитализации, спорить было нелепо: сами его пригласили, значит, надо доверять. На соображения, что впереди два выходных и что для роженицы попасть в больницу раньше времени — лишний стресс, он пожал плечами:

— Что такого ужасного, по-вашему, в больнице?

— Это для медиков там — дом родной, — попыталась отшутиться Люба, — а остальные предпочитают туда

не попадать.

— Женя будет постоянно под наблюдением, — заверил Валентин Юрьевич. — У вас хорошая больница. Дежурные врачи работают круглосуточно. А завтра утром придете ее навестить и всё узнаете — если в самом деле всё в порядке, отпустят, держать не станут.

Долго собираться не пришлось, походная сумка для роддома была уже давно приготовлена, только не предполагали, что сам отъезд будет таким внезапным и таким тревожным. Игорь даже не взялся вести машину, и пришлось воспользоваться «скорой», которую вызвал всё тот же Валентин Юрьевич. Женя настояла, чтобы провожал ее только Игорь, хотя рвались, естественно, и мать, и брат:

— Ну, что мы явимся целой процессией? Может быть, еще всё хорошо, только зря переполошились.

Разубеждать ее, что всё хорошо, никто не взялся, и Люба осталась на крыльце.

Она с удивлением ощутила, что нисколько не хочет подниматься и идти в дом. Силы разом оставили ее. Всегда шумная и деятельная, теперь она ничего не могла делать — только вот так сидеть.

А ведь только что встречала доктора, хлопотала с Женькой и даже успела позвонить в Можайск своей знакомой, с которой вместе учились на курсах повышения квалификации, чтобы попробовать что-нибудь выяснить о семье Колесовых до начала рабочей недели. Дальше — звонок в больницу, насчет Антонины Ивановны — та была в тяжелом состоянии. Сказали — инсульт.

Потом созвонилась с мужем, журналистом районной газеты, который сегодня как раз дежурил по типографии, — узнать, весь ли субботний номер закрыт, и нельзя ли выкроить несколько строчек под объявление: «Всех, кому что-либо известно о Колесовой Антонине Ивановне, уроженке Можайска, просьба обратиться туда-то».

Хотели еще про Алину дописать, но не решились — пока ведь даже неизвестно, действительно ли они бабушка

и внука. Доктор Егоров, умница, подсказал еще обратиться в медицинский центр, где лечилась умершая Нина Александровна. Это взял на себя Егоров.

Вот сколько всего проделано буквально за час. А теперь — застыла на крыльце, и всё. Конечно, было бы легче сейчас провожать дочку, помогать ей устроиваться в палате, советоваться с доктором, словом, продолжать суесться. Ждать всегда тяжелее всего.

Вспомнилось, как лежала с Женей в больнице, когда той было четыре года. Температура никак не хотела опускаться ниже сорока. Несколько бессонных ночей, а приходилось еще самой мыть полы — не было нянечки, и по неписаному больничному закону ухаживать за остальными детьми в палате, особенно за теми, к кому никто не приходил. Чужих детей не бывает.

И то, кажется теперь, тогда было легче — по крайней мере, знала, что делать, и делала. А когда от тебя ничего не зависит — ощущение беспомощности просто парализует.

Особенно плохо было девочке из, как шепотом объяснила врач, неблагополучной семьи. Очень слабенькая, она в три года выглядела, как в полтора. Ее, больную воспалением легких в тяжелой форме, забрали у вечно пьянствующих родителей социальные работники. Любови Сергеевне потом и самой много раз приходилось бывать в подобных семьях, когда она перешла из школы в соцзащиту.

Но та девочка запала в душу и осталась в памяти — Люба первый раз увидела сироту при живых родителях. Пожалуй, она потратила тогда на девчущку не меньше сил, чем на свою дочку. Маша Соломина. Потом она все-таки попала в детский дом. Люба привозила ее к себе домой погостить, Сережка учил ее кататься на велосипеде.

А маленькая Алина сейчас в семье Егоровых. Они познакомились только сегодня, но у Любы глаз наметан — люди надежные, девочке там будет хорошо. Подружка нашлась, значит, стресс скорее пройдет, и что-нибудь она

о себе расскажет.

Главное — к кому они сюда ехали? Если даже предположить худшее, что мама девочки действительно умерла в больнице, — почему они не вернулись из Москвы домой, в Можайск, где родилась и прописана бабушка? Белогорск совсем не по пути. Они ехали сюда специально. К кому? Зачем? Возможно, здесь есть родственники или друзья, к которым можно обратиться в трудную минуту.

Люба внезапно заметила, что все эти вопросы бегут в голове автоматически, а главные мысли — там, в больнице, рядом с дочерью. Она даже испугалась: никогда такого не было, чтобы она думала о чужой беде с безразличием. Но сегодня всё вытесняла своя беда. Надо было перезвонить в Можайск, как договаривались, чтобы ее знакомая не тратила на звонки своих денег, но Люба продолжала сидеть. В чем дело?

Попыталась сконцентрироваться, как обычно, когда ее что-то, но непонятно что, угнетало — дежурный по кухне Сережка не помыл посуду? он же устроил кавардак в своей комнате? Женя не позвонила? Андрей заявил, что опять работает в выходные? — и определить, что именно. А решение потом само найдется, по обстоятельствам: заставить вымыть и прибрать, отпустить гулять с друзьями и сделать всё самой, позвонить дочке, не звонить дочке — нечего без конца мельтешить и опекать и так далее.

Сейчас всё определялось на редкость четко и ясно: хочу, чтобы хоть раз в жизни с *чужим* ребенком занимался кто-то другой, когда мне нужно быть со *своим*.

Но эта конкретика угнетала еще больше. Неужели начинается синдром выгорания, о котором говорили на учебе? Когда социальный работник, врач или педагог уже не может черпать из себя сочувствие, сострадание, милосердие? Когда им на смену приходит безразличие и даже враждебность, и не только не можешь помогать другим, а уже сам нуждаешься в помощи психолога. Да ведь так можно остаться без профессии! Отлично: в сорок лет —

с депрессией вместо профессии.

Да нет же, надо успокоиться, взять себя в руки.

Из комнаты доносились звуки телевизора. Началась реклама. Неожиданно заезженные фразы рекламных роликов подействовали на Любовь Сергеевну умиротворяюще. Люди чистят зубы, пьют чай, стирают, гладят и выводят пятна — значит, продолжается обычная будничная жизнь, в которой не может быть ничего ужасного, ему просто нет места. Значит, и у них всё будет так же спокойно, и ничего страшного не произойдет. Женьке станет лучше, и она родит здорового хорошенького малыша.

Конечно, надо просто успокоиться. Люба человек эмоциональный, и сама прекрасно это знает. Не стоит впадать в крайности. Пора отдохнуть. Но она, чувствуя это, и взяла отпуск! Собиралась и сама восстановиться, и заняться своими детьми. Вон Сережка, оболтус, получил свой первый паспорт и заважничал, решил, что теперь взрослый, работать собрался, о чем-то толкует с Игорем. Ей ничего не говорит, а она ведь и не спрашивает. Хорошая мать!

— Мам, — подошел Сережка, — Можайск на проводе.

Ну вот, и здесь оплошала, не успела сама позвонить.

Информации набралось немного: семья Колесовых, бабушка, мама и дочка, действительно проживают в Можайске, в соцзащите они оформляли компенсацию на оплату жилья как малоимущие. Но это уже что-то. Круг сузился: кроме не приходящей в сознание бабушки, у Алины Колесовой никого нет. Но к кому-то же они ехали в Белогорск. Хорошо, Андрей догадался передать объявление еще и в коммерческие газеты, и на местное радио. Возможно, его услышат — или прочитают — родные Колесовых, объявятся и заберут девочку.

Надо пойти ее проведать. Все-таки ничего не бывает напрасно. А ведь судьба привела малышку прямо к ней в дом, и нашел ее не кто-нибудь, а Сережка.

Как тебя зовут?

ВСЕ пассажиры из необычного транспорта разом попытались заговорить, но так же дружно остановились, встретив взгляд милиционера, солидного усача лет пятидесяти. Дав понять, кто здесь главный, он начал объяснять сам, обращаясь почему-то к Любе:

— Вот, Любовь Сергеевна, дело-то какое. Вы только не волнуйтесь. Я знаю, что у вас и так дома волнений хватает. Ваш Сережка в перелесочке рядом с пляжем обнаружил женщину пожилую, без сознания. Наверно, от жары плохо стало. На скамеечке, на дорожке, что идет от остановки. А с ней вот девчужка была.

Все повернулись к девочке. Та потерянно стояла в сторонке и глаз ни на кого не подняла.

— А вы-то там как оказались, Гусятников? — устало спросила Люба. — «Скорую» надо было вызывать.

— Да вызвали, увезли уже старушку, — махнул рукой Гусятников. — В том-то и дело, что куда теперь девочку? Они приезжие, а куда ехали, к кому — неизвестно. Старушка в себя не пришла, да и придет ли? Совсем плохая, там нашатырным спиртом не поможешь. А девочка молчит, даже как зовут, не сказала. Понятное дело, переволновалась за бабушку, чужие люди кругом — а мне-то что делать? Я и решил сразу к вам, совет держать, вот и ваших заодно подбрoсил. Слышал, что вы в отпуске, вы уж извините.

Из короткого разговора между милиционером и соседкой Валентина поняла, что Люба работает в службе социальной защиты населения и помогает безнадзорным детям и детям-сиротам. И, видимо, не формально и не по-чиновничьи, если к ней прибегают совет держать вот так, в любое время.

— Тебя как зовут, малыш? — Валентина опустила на корточках и попыталась заглянуть девочке в лицо. Но та

только еще ниже опустила голову. — Хочешь чего-нибудь попить? У нас есть квас, а еще — очень вкусная вода из колодца. А покушать хочешь?

Панамка опустилась еще ниже.

— Она вообще ничего не отвечает, мама, — быстро заговорила Ксюша. — Мы с Сережей уже по-всякому пытались. Она даже мороженое не ест.

И начала сбивчиво рассказывать, как Сережа, с которым они успели познакомиться и разговориться о компьютерах, пошел за мороженым и как прибежал обратно с известием о старушке, лежащей на скамеечке, как вызывали «скорую» по чьему-то мобильнику — словом, обо всех событиях, в которых они принимали самое активное участие.

Игорь, всё время нервно поглядывавший в сторону своего дома, наконец извинился:

— Любовь Сергеевна теперь всё устроит, а я побегу — там Женя одна! — И убежал.

Валентина пыталась и слушать Ксюшу, и одновременно прислушиваться к ставшему совсем тихим разговору Гусятникова и Любви Сергеевны.

— ...и билетов никаких с собой нет. Понятно, что в автобусе, да и в электричке она их скорее всего просто не брала: сама пенсионерка, ребенок маленький. Откуда, куда ехали? Мы нашли только паспорт на имя Колесовой Антонины Ивановны, из Можайска. Туда послали запрос. А еще... — Он заговорил совсем тихо.

— А это наша Мифа! Можешь ее погладить, она совсем не царапается. Смотри, ты ей понравилась, она хочет подружиться!

Из дома тем временем появилась Настя, и обращалась она к незнакомой девочке. Трехцветная кошка осторожно нюхала девочкин сандалик, потом потерлась о ее ножку, а потом, демонстрируя дружелюбие, привскочила на задние лапы.

— Это она просится на руки, — объясняла Настя. —

Только смотри, у нее лапы в земле, наверное, опять в клумбе копалась. Ее зовут Мифа. Ее сначала называли Миф, но потом оказалось, что она девочка. А меня зовут Настя. А мою сестру — Ксюша, а маму — Валентина Дмитриевна. А тебя как зовут?

— Алина, — ответила девочка.

— Какое красивое имя!

— Ну вот, кое-что мы уже знаем, — сказала Люба Гусятникову и Валентине. Оказывается, она умела говорить совсем тихим голосом. — У вашей дочки лучше получается. У бабушки в паспорте нашли свидетельство о смерти на имя Нины Александровны Колесовой. Возможно, это мама девочки. Она лечилась в кардиологическом центре и умерла несколько дней назад.

Валентина, Гусятников, Люба, подошедшие Игорь с женой посмотрели на девочку с жалостью и тревогой.

— Ну, что тут скажешь, — проговорила наконец Любовь Сергеевна. — Надо выяснить, есть ли у нее еще кто-нибудь из близких. Они с бабушкой шли от остановки сюда, в Сосновый Бор, значит, и искать надо здесь.

Сосновым Бором по привычке называли эту часть города, бывшую деревеньку с таким названием.

— Мама наверняка вместо приюта оставит ее пока у нас, — зашептал Ксюше Сережа. — Она раньше часто приводила всяких несчастных детей. Вот только Женька у нас совсем какая-то нездоровая. Сами говорили, что беременность — не болезнь, а теперь трясутся все.

Валентина мельком взглянула на Любину дочку: действительно, очень плохо выглядит. А какая молоденькая — на вид прямо десятиклассница. Вот и Ксюша совсем скоро подрастет — «и я стану бабушкой? Вот чудеса». Хотя и сама рано родила свою Ксюшу, и никаким чудом это тогда не казалось. А малышка в белой панамке — неужели ее мать действительно умерла и никогда не порадует, глядя, как девочка подрастает?

— Может, Алина пока побудет у нас? Хотя бы до вече-

ра? — предложила Валентина. — А там, возможно, и бабушке станет легче, и что-нибудь прояснится? Смотрите, с Настей она разговаривает. Может, мы еще что-то узнаем?

Становись бизнесменом

ХЛОПНУЛА дверь, вошел вконец расстроенный Игорь.

— Будут делать кесарево. Завтра. Уже готовятся к операции.

— Почему кесарево? — ахнула Любовь Сергеевна. — Всё же протекало нормально, никаких отклонений не было!

— Они говорят, что очень похоже на аппендицит. Московский врач прав оказался.

Любовь Сергеевна кинулась собираться.

— Едем туда скорей!

— Сейчас, переоденусь.

— Только... забежим на минуту к соседям, я узнаю, как там девочка.

Любови Сергеевне показалось, что Игорь поглядел на нее с грустным упреком.

— Сереж, — говорил он на ходу из соседней комнаты. — Я завтра весь день пробуду у Жени, ты сходи в «Пескарей», помоги там, что будет надо.

— Я — да, — немедленно отозвался Сережка. — Я и весь день могу работать, и завтра. Не беспокойся. А меня туда, к Жене — не пустят?

— Она после операции будет всё равно под наркозом, тебе лучше потом прийти, когда с ней можно будет поговорить, — объяснил Игорь, стараясь спокойно произносить страшные слова «операция» и «наркоз». — Любовь Сергеевна, — повернулся он к теще, — вы не против, чтобы Сережка мне в кафе помогал? Мы с ним всё уже оговорили. С деньгами он не будет связан, там на кассе другие ребята

сидят, а ему только включать-выключать оборудование, следить за ним в течение дня, новичкам помогать, ксерокс делать посетителям.

У Игоря был свой интернет-зал, пока небольшой, только что появившийся в кафе, принадлежащем его знакомому. Но он уже пользовался популярностью, а сейчас, во время каникул, когда наехали дачники, посетителей стало еще больше, и дела шли еще лучше. «Три пещаря» уже называли не иначе, как интернет-кафе. Если бы не тревожное положение с Женей, можно было бы начинать расширяться. Но и сейчас Игорь один уже не справлялся и искал помощников. Сережка, одержимый идеей самостоятельности, так и рвался.

— Конечно, я не против, — устало сказала Любовь Сергеевна. — Летом подрабатывать самое время. Только смотри, берешься — подводить нельзя, как с домашними дежурствами: а я не успел, а я проспал, а я забыл.

Сережа оскорбленно отвернулся. Нашла с чем сравнивать!

— Если бы мне за мытье посуды платили, да я бы каждый день ее мыл.

— Может, тебе еще платить за то, что ты умываешься и после туалета руки моешь — если моешь? — саркастически спросил Игорь. — Молчал бы — сестра в больнице, нашел тему.

«А ведь промолчал, — удивилась Любовь Сергеевна. — Ведь это он *работодателю* не перечит, а мне бы мог и огрызнуться».

Но Сережка не промолчал, а осторожно и негромко пробубнил:

— Вот Зойке сто рублей дают, когда она сервис перед праздником моет.

— Становись бизнесменом, как Королёв, и сам разбрасывайся ста рублями, — немного невпопад ответила Люба, выходя из дома.

— Стану, — пообещал Сережка, закрывая дверь.

У вас хорошо

КОГДА Настя рассказала, что в этом доме они нашли целую комнату игрушек, Алина посмотрела на нее недоверчиво. Пришлось подвести ее к волшебной дверце, которая была оклеена обоями и сливалась со стеной, а за ней в крохотной комнатке без окон скрывались сокровища из прошлого века: куклы, хлопающие ресницами, машины без колес, расписные елочные шары и сосульки в картонных коробках.

— А лошадку, на которой можно качаться, я унесла в свою комнату.

Увидев Настину комнату, Алина убежденно сказала:

— Это тоже комната игрушек.

На низеньких полочках, которые тянулись вдоль стен, как на витринах, разместились куклы, мишки и другие игрушки — и Настины, и бывшие Ксюшины, привезенные из Москвы, и игрушки девочек, которые всегда здесь живут и только на лето уехали, а еще — часть сокровищ из волшебной кладовки.

Свои книжки Настя тоже расставила очень торжественно — по одной, вперед обложками, и каждой можно было любоваться по отдельности. Места они таким образом заняли много, но его вполне хватало и еще оставалось.

Для цветов были специальные подставки, чтобы не затенять окна, — получался настоящий садик в комнате. Но самое главное — в садике стояли клетки с маленькими солнышками, одна — с канарейками, другая — с золотистыми хомячками.

Алина не могла оторвать от них взгляд.

— Они мои, а вот Мифа — девочки Жанны, которая всегда тут живет, — честно сообщила Настя, — и ее сестренки. А я только ее кормлю и слежу, чтобы не скучала. А у тебя есть братья или сестры?

Алина покачала головой.

— У нас дома все только старшие, — рассказывала Настя. — Я самая младшая. Но мне уже исполнилось шесть лет, я, когда лето кончится, пойду в школу. А ты уже ходишь в школу?

— Нет. Я тоже этой осенью пойду. Правда, бабушка не хочет меня отпускать, говорит, что я слабенькая и надо подождать еще годок. А я не хочу ждать.

— Конечно, я бы тоже не хотела.

— А кошка их всех не съест?

— Нет, не бойся. Мифа к ним привыкла. Она их даже не нюхает.

По лицу гостьи пробежала тень улыбки.

— А у тебя есть кошка или птички?

— Нет. Мы с мамой и бабушкой живем... жили... в совсем маленькой квартире. Там кроме нас никто не поместится.

— В Белогорске? Рядом с нами?

— Нет, далеко. В городе Можайске.

— А, я знаю, есть можайское молоко, — обрадовалась Настя, но девочка думала о своем и тихонько спросила:

— А что с моей бабушкой?

Настя подумала.

— Сейчас придет мой папа, он врач. Он наверняка знает и всё нам расскажет. Он говорил, что тут хорошая больница. Не волнуйся, твою бабушку обязательно вылечат!

Но Алину ее слова не успокоили.

— Про московскую больницу тоже говорили, что она хорошая и самая лучшая, а мою маму там не вылечили.

Настя растерялась и не знала, что сказать. Но тут в дверях показалась кошачья лапа, расширила щель, и Мифа еще раз за этот день спасла положение. По-хозяйски войдя в комнату, она сразу, как к своей, направилась к Алине и прыгнула ей на колени. И тут же громко замурлыкала, не дожидаясь, пока ее начнут гладить.

— Мы тоже в Москве живем в маленькой квартире, — наконец сказала Настя. — А здесь полно комнат, и даже мне

досталась своя комната.

— Ты здесь спишь одна? И не боишься?

— Немного боюсь, — призналась Настя. — Только никому не говори. Но я не задерживаю занавески, и тогда светят звезды и фонари, и огоньки других домов. И еще Мифа приходит спать ко мне на одеяло, тогда совсем не страшно. А хочешь ночевать со мной? Вот будет здорово! У нас есть раскладушка.

— Я не могу, — твердо ответила Алина. — Мне надо к бабушке. Она же будет обо мне волноваться.

— Да, наверняка будет, — согласилась Настя. — А вдруг ее сегодня еще не выпишут? Я точно знаю, что выписывают с утра до обеда.

Алина промолчала. Кажется, Настя права.

— Ты у нас не хочешь остаться, тебя где-то ждут? Вы, наверно, в гости ехали?

— Я не знаю, куда мы ехали, — помолчав, созналась Алина. — Бабушка говорила, у нас здесь есть кто-то из родственников. Но они не будут волноваться, что нас нет. Они не знают, что мы к ним едем.

— Может, спросить их адрес у бабушки? — задумчиво промолвила Настя, немного озадаченная тем, что можно ехать в гости туда не знаю куда. Но Алинин ответ удивил ее еще больше.

— Бабушка тоже не знает адрес. Мы должны были их искать на улице Главной.

— Наш дом на улице Главной! — Настя округлила глаза. — Может, это мы? Но мы же не всегда здесь живем, мы на даче...

— Не знаю. Бабушка не говорила, как их зовут. Она даже не говорила, что они вообще есть, пока мама не... умерла. А потом сказала, что мы поедem не домой в Можайск, а сначала в этот Белогорск. — Какое-то время она молча гладила кошку, потом проговорила: — Но если это вы, то я у вас останусь. У вас хорошо.

Белая Панамка

ВАЛЕНТИНА приготовила ужин на скорую руку. Когда Алина увидела сосиски с макаронами, она шепотом спросила у Насти:

— У вас праздник?

Валентина с жалостью взгляделась в ее худенькое личико, внимательнее посмотрела на чистенькое, но поношенное платьице — китайское, с пышной юбочкой и вышивкой на груди. Такие носили, когда еще Ксюша была маленькая. Наверное, досталось от кого-нибудь, подумала она. Предложила девочке:

— Ты не хочешь снять панамку?

Та, испуганно глядя, замотала головой и даже вцепилась в свою панамку. Валентина тут же постаралась убедить ее, что панамку никто не отнимет. «Какая нервная девочка, с ней надо очень осторожно. Ну, пусть сидит в шапочке за столом».

— Мы начали ужинать без тебя, мне хотелось покормить детей пораньше, — сказала она вернувшемуся мужу и начала объяснять присутствие неожиданной гостьи.

— Я уже знаю, — сказал Валентин Юрьевич, — соседи рассказали.

— Как там их больная?

— Очень похоже на аппендицит. Все симптомы. Уже увезли в больницу.

— Боже мой, бедная Люба! Как она сейчас переживает! А тут еще эта Красная Шапочка из леса. Точнее, Белая Панамка. Может, малышка у нас переночует? Не представляю, куда ее денут, если бабушка не скоро поправится. Неужели в какой-нибудь приют?

Когда за столом появился Валентин Юрьевич, Алина, уже немного привыкшая к дому и его обитателям, опять застеснялась и совсем перестала есть.

— Это наш папа, он хороший, — шептала ей Настя,

хороший папа пытался шутить — но ничего не помогало. Все шуточки и словечки, безотказно действовавшие и на собственных чад, и на маленьких пациентов, здесь почему-то не работали. Гостья сидела, не шевелясь, опустив голову.

— Девочки, можете чай с конфетами попить у Настюши в комнате, — сказала Валентина.

Настя удивленно посмотрела на мать: в комнатах есть не полагалось, они сами так решили, чтобы уборки было меньше: каждый теперь сам убирал свою комнату, и дом надо было сдать хозяевам в образцовом порядке.

— У нас же гостья, — объяснила Валентина. — Только не облейтесь.

Когда к ним забежала заплаканная Люба сообщить, что уезжает к дочке в больницу, и узнать, как Алина, в прихожую незаметно проскользнула Настя. Очень серьезным голосом она сообщила, что потерявшуюся девочку зовут Алина Колесова, ей семь лет, она живет в Можайске — и прочие сведения, которые удалось узнать. Рассказ закончился словами:

— Ведь так она скорей найдется?

— Спасибо, ты просто умница, ты очень помогла, — сказала ей Любовь Сергеевна, умолчав о том, что, собственно, и так все знала. Всё — да не всё. — А вот насчет родственников на Главной улице — это надо обязательно сообщить Гусятникову, пускай проверит. Сама я что-то не соображу — с такой фамилией у нас и нет никого, и никто про можайскую родню не рассказывал, — она обращалась уже к Егоровым.

— Может быть, позвонить Гусятникову? — спросила Валентина. — Вам сейчас не до того.

— Да нет, я сама. Мы с ним старые друзья. Он был одним из женихов, за которых я не вышла замуж, — пояснила Люба и даже улыбнулась. — Он мне казался тогда ужасно старым... Вас действительно не беспокоит, если малышка останется на ночь? Спасибо, я сразу поняла, что

вы надежные люди. Запишите мой номер мобильного и звоните, если что, в любое время. И не стесняйтесь, мне все всегда звонят. Я никогда его не выключаю. А утром созвонимся в любом случае.

— Вы не узнавали, как там Алинина бабушка? Она всё время о ней спрашивает.

— Сказали — без изменений. Очень тяжелый инсульт.

Я согласна на медаль

СТАРШАЯ по сортировке поглядывала на новичков. Детский сад — штаны на лямках. Сейчас опять всё перепутают. Какие-нибудь письма потеряют, какие-нибудь газеты сунут не туда. А потом выслушивай звонки, возмущения и жалобы. А что делать, если взрослые не хотят работать за три копейки? Вот на той неделе Ольга Григорьевна ушла — замечательный почтальон, добросовестная, сколько лет проработала, все участки знала. Решила, что лучше с внуками будет сидеть. Хорошо хоть подростки летом выручают — если это можно так назвать. А каникулы кончатся — и их не будет, хоть сам разорвись на десять кусков. Толковая из всей шантрапы одна Зойка. Ни разу ничего не потеряла, и ни разу на нее пока не жаловались.

— Теть Ань, — окликнула ее Зойка, высокая, с модными «перьями», в штанишках «капри» и яркой маечке. — А я завтра не приду!

«Ну вот, только хорошо о ней подумала!»

— Я завтра сижу с племяшом, сестра и муж уезжают.

— Далечно?

— Отдыхать, на выходные. В какой-то загородный отель.

— А его чего не берут?

— Да он разве даст отдохнуть, капризуля несчастный, — искренне удивилась Зоя. — С ним буду мучиться я. Да вы

не волнуйтесь, я всё в понедельник разнесу, ничего страшного.

— Ну, ты для сестрицы просто находка. Говорят, чужие с ним сидеть никто не соглашаются.

— Наш Стас кого хочешь изведет, — с некоторой гордостью подтвердила Зоя. — Его даже в садике только две недели держали.

— Так за такое наказание надо деньги брать.

— А я и беру, — заявила Зойка с еще большей гордостью. — Королёв платит, как миленький.

— Вот это да! И много? — все тут же приняли в разговоре живое участие и забросали Зою вопросами, но старшая тетя Аня цыкнула и велела работать. Разговаривать можно было только ей.

— Значит, трудишься без выходных.

— Выходит, так, — охотно согласилась Зоя. — Мне кроме денег еще медаль положена. Жду, когда выдадут.

Она закончила сортировку раньше всех и уже пошла с полной сумкой к выходу, когда старшая вдруг задержала ее.

— Погоди. Тут письмо лежит без адреса. Смотри: Белогорск, Королёву А. Наверняка твоему зятю Аркадию.

— Ну! Личность известная. Прямо как «Москва, Президенту»! Или «Великий Устюг, Деду Морозу».

— На деревню, дедушке. Захватишь, передашь?

— Конечно.

— Не забудь.

— Чтоб я, да забыла?!

Сунула конверт в задний карман и зашагала.

Уж лучше по-хорошему

— ПРИВЕТ, королевич, — поздоровалась тетя с племянником.

Пятилетний Стас, светловолосый крепыш, не удостоил ее взглядом.

— Ну и молчи на здоровье. Даже очень хорошо, если ты так прoderжишься до самого воскресенья.

Еще чего, пусть и не мечтает.

— Они не просто в воскресенье, они в воскресенье вечером вернутся, а это почти понедельник, — возмущенно затараторил Стас. — Они на целых два дня едут! Без меня! А я! Я тут с тобой должен оставаться!

— И без меня, — в тон ему продолжила Зоя. — Меня вообще никогда никуда не приглашают! Я тут с тобой должна оставаться! Целых два дня!

Стас прекрасно понимал, что его дразнят, что никакого сочувствия от железной Зои ему не видать, она «не мама» и «сюсюкать не будет», и нижняя губа затряслась — но скорее от злости, чем от слез. Ничего, он ей тоже задаст! Вот она увидит!

— Заинька, будь с ним помягче, — попросила Света — полная противоположность сестре, маленькая, хрупкая, тихая, но с такими же «перышками» в прическе. Она уложила вещи в сумку и пыталась застегнуть «молнию». — Если с ним по-хорошему, он ведь тоже хорошо себя ведет. Ну, сама же знаешь, лаской больше добьешься.

Оглядываясь на сына, она незаметно прошептала Зое на ухо:

— Пожалуйста, конфет ему этих, на палочке, чупа-чупсов, не покупай. Я знаю, он будет клянить. Но это для зубов нехорошо, лучше пусть шоколадку съест, чем леденец. Ладно? Можешь одну разрешить, но не больше. И йогурт прямо из холодильника не ешьте, пусть сначала на столе постоит. В общем, сама знаешь. — И еще раз повторила: — Ты же взрослая, будь мудрее, не сражайся с ним.

— Не волнуйся, отдыхай, — проворчала Зоя. — Я, страшный зверь, так и быть, не трону малявку.

И скорчила Стасу самую страшную рожу, какую сумела.

Стас не смог не улыбнуться. Когда Зойка в духе, с ней интересно. Может, она с ним поиграет, если ее не злить. Но на всякий случай ответил:

— Это я сам тебя не трону. Сама малявка.

— Ну, видишь, Свет, никто никого не тронет, — весело заявил Аркадий Королёв, забирая вещи. — Все нормально. Зойка, это тебе за труды, а это на расходы. А если оба останетесь живы в сражениях, получишь еще столько же. Стас, сынок, пока! Слушайся Зою.

— Скажи, чтоб и она меня слушалась, — скомандовал Стас. — Чтоб всё мне покупала! И чупа-чупсы, и мороженое! Вон ты ей сколько денег дал!

— За всё надо платить, — наставительно сказал Аркадий. — А за тебя — вдвойне.

— ...потому что ты — королевич, — продолжила Зоя, закрывая дверь. — Я сама разберусь, чего тебе покупать, по заслугам.

Нашупала в кармане конверт. Эх, письмо-то забыла отдать! Ладно, догонять — не хочется бросать Стасика, а им возвращаться — плохая примета. Прочитает, когда вернется. И бросила конверт на холодильник, где Королёвы обычно оставляли друг другу записки, клали свежие газеты и журналы, ключи и вообще важные вещи. Там постоянно скапливалась «куча Плюшкина», как называли ее в семье.

Настроение было отличное. Зоя любила гостить у сестры. Дома даже телевизора не было, а тут можно смотреть его сколько угодно, и DVD-диски рядом на столике, и музыкальный центр, и Светкины глянцевые журналы, и холодильник со всякими вкусностями — в общем, в сидении с племянником есть свои плюсы.

Королёвы жили в «городской» части Белогорска, в новой разноуровневой многоэтажке-«подковке», и Зоя любила, расположившись в кресле, блаженствовать, глядя в окно — всё как на ладошке.

В общем, жизнь удалась.

Только что это там подопечный куксится?

— Стас, не дрейфь, — ободрила его Зоя. — Ты же не собираешься реветь без мамы, как маленький? Сейчас посмотрим мультики, а завтра будем весь день гулять.

— И на пляж пойдём? — недоверчиво спросил Стас, незаметно вытирая щеки.

— И на пляж, если не будешь ныть, вопить, убегать, тонуть и вообще дергать нервы. Слышал, мама сказала, что со мной надо по-хорошему, тогда всё будет хорошо.

— Это мама про меня сказала.

— А я говорю — про меня, — уверила его Зойка.

Конфет должно быть много

НЫТЬ и вопить Зоин воспитанник начал на другой же день и в самом «подходящем» месте — в кафе, в присутствии многочисленной публики.

И то он продержался довольно долго: спать накануне лег без боя, в знак признательности за то, что Зойка не стала запихивать в него ужин («не хочешь — не ешь»), не мешал ей допоздна смотреть телевизор, а утром — самые сладкие сны. Копошился в своей комнате, намазывая пластилин на маленький столик. Позавтракали они тоже дружно, йогуртом из холодильника. Ничего, он с нижней полки. И чисткой зубов воспитательница его не обременяла («всё равно скоро выпадут и новые вырастут»).

Неприятности начались, когда Стас увидел «наше кафе». У его отца в районе была своя сеть ресторанов, баров и продуктовых магазинов, и мальчик прекрасно знал, куда можно «просто так» зайти перекусить чем-нибудь вкусеньким или просто попить шипучки.

— Хочу в «Трёх пескарей»!

К тому же там стоял аквариум, в котором плавали три больших — не пескаря, конечно, — три большие пучегла-

зые рыбины с красивыми красными хвостами, и для компании — рыбешки поменьше. Они парили среди водорослей, чуть шевеля плавниками, прятались в «затонувшем корабле» и медленно выплывали из какого-нибудь иллюминатора, а иногда приближались к самому стеклу, разглядывая людей.

Стас мог глазеть на них сколько угодно. Посетителям они тоже нравились. Рыбки настраивали на покой, негромкая музыка помогала отдохнуть и расслабиться. Это было тихое кафе, и несколько компьютеров в соседнем зале — интернет к услугам публики — казались очень кстати: так же, как одни посетители в аквариум, другие не отрываясь глядели в мониторы и погружались в виртуальное пространство, словно в подводный мир.

Зоя сама с удовольствием зашла в «Пескарей», увидев там одноклассника Сережу Ларионова, — поболтать. Вначале ничто не предвещало бури. Стасик, сидя за столиком, не мешал — пил лимонад и сосал чупа-чупс, которого могло хватить минут на десять. Обменявшись новостями, Зоя и Сережа договорились увидеться на пляже в Сосновом Бору: опять стояла жара, и молодежь, работающая в кафе, отпускала друг друга по очереди на озеро, окунуться.

Скандал разгорелся уже на выходе. Стас никак не хотел уходить только с одной запасной чупа-чупсиной.

— Хочу много чуп! — голосил он, цепляясь за ножки столиков и спинки стульев.

Зоя соблазняла его пляжем и мороженым, пыталась шутить, что нельзя съесть все конфеты в кафе — надо и другим оставить, но Стас ее уже не слышал. Красный и надутый, он кричал и топал, демонстрируя классический образец избалованного ребенка.

Тихая атмосфера «Пескарей» была непоправимо разрушена. Посетители уже просто не могли не обращать внимания на происходящее. К тому же в маленьком городке все друг друга знали, а уж Королёвы и подавно были на виду. До Зои доносились язвительные реплики насчет того, что

такая богатая семья не может накормить единственного сыночка. Она с ужасом поняла, что не знает, что делать, и готова бросить крикуна и позорно спастись бегством. Но в памяти уже был похожий случай: она изобразила, что уходит — в магазине, где Стас точно так же требовал что-то купить, но это ничего не дало. Гаденыш не побежал за ней, а уселся на пол и продолжал надрываться. Пришлось вернуться и просто его утащить. Кажется, и сейчас это единственное, что остается.

Сережа пытался помочь Зое, предлагая мальчишке еще одну конфету на палочке, но тот гневно ее отталкивал и кричал:

— Чуп должно быть много!

Зоя схватила его под мышки и понесла к выходу. Эх, и тяжелый, поросенок! Стас извивался и возмущенно требовал, чтобы его поставили на ноги.

— Пожалуйста, поставила! Иди сам, да поскорее!

В дверях посторонились, пропуская их, три девочки — Зоина ровесница и две малышки шести-семи лет. Одна из них, в белой панамке, худенькая, большеглазая, с испугом и жалостью посмотрела на плачущего Стасика, а потом догнала его и протянула чупа-чупс:

— Вот, возьми, ты уронил. Я подняла его там, на полу.

Он мгновенно замолк и растерянно пробормотал «спасибо».

— Видишь, — воспитательным голосом сказала потом Зоя, — ты всем показал, какой ты безобразник! И этой хорошей девочке — тоже!

И с удовлетворением отметила, что слова попали в цель — удивительное дело, но племянник сконфузился.

Она уже улыбается

— ТЕПЕРЬ я наконец узнаю, что такое памперсы, — радостно сообщила Люба, пришедшая вечером проведать Алину. И Валентина была рада ее по-прежнему громкому звучному голосу. Значит, всё наладилось. — Мы-то обходились еще марлевыми подгузниками. А теперь красота — выбросил в помойку, и стирки никакой.

— Памперсы постоянно нельзя надевать, — пояснила Валентина. — Не такие уж они дышащие, как рекламируют.

— Тогда накупим марли, — беспечно махнула рукой Люба. — Парень — три кило, неплохо для первого раза, правда? Прямо камень с души. Напугало нас это кесарево. И аппендикс Жене уже удалили. Слава богу, он только один, значит, больше этот кошмар не повторится.

— Как Женя перенесла наркоз?

— Ничего, она здоровая, сильная девочка, только с виду хрупкая. Я раньше переживала, старалась ее больше кормить. А потом один врач сказал, что худенькие дети более жизнестойкие, чем склонные к полноте, легче всякие болезни переносят, и я успокоилась. Лучше спросите, как Игорь перенес наркоз! По-моему, он мучился гораздо больше. Женечке переливание крови сделали, ему бы тоже не помешало, он килограмм пять сбросил за эти два дня. Ладно, пусть знает, как дети тяжело достаются... А как наша красавица — Белая Панамка?

— Хорошая, спокойная девочка. Никаких особых хлопот нам не доставляет. Как тут и была, — улыбнулась Валентина. — Конечно, всё больше с Настей и с кошкой. А папу нашего очень стесняется. Мне даже кажется, что у нее в семье вообще не было мужчин, и она просто не привыкла. Не плачет, не жалуется, только постоянно спрашивает о бабушке. И засыпала плохо, но это понятно.

— Антонина Ивановна не скоро пойдет на поправку. — Люба вздохнула. — Сказали, что, может быть, и речь

не сразу восстановится. Вряд ли мы от нее что-то услышим в ближайшие дни. Но малышке не стоит говорить, что бабушка так плоха.

— Конечно, не стоит. Скажем, что поправляется, но навещать пока врачи не разрешают. А родственников каких-нибудь не удалось отыскать?

Люба покачала головой.

— Наверное, пока выходные, это сложно?

— Не в выходных дело. Как раз хорошо, все дома. Гусятников обошел всю улицу и всех опросил, кроме Смирновых — они уехали на юг.

— И ничего?

— Ничего. Ни у кого нет родственников в Можайске. Никому ни о чем не говорит фамилия Колесовы.

— И на объявления в газете и по радио никто не откликнулся?

— Пока нет.

— Как странно. Мне казалось, найти их родственников будет гораздо проще. А что, если кто-то жил на этой улице, а потом переехал? Люди могут не сидеть на одном месте.

— Гусятников как раз это проверяет. И потом, все-таки остаются Смирновы, он постарается с ними связаться. Обещаю сразу сообщить, как только что-нибудь прояснится. Валь, если неудобно, чтобы Алина дольше у вас оставалась, говорите без обиняков, хорошо? Я держу в курсе свою начальницу, она разрешила оставить девочку у вас под мою ответственность, но коллеги всегда готовы принять эстафету. Как только скажете, ее заберут, и, поверьте, постараются устроить хорошо.

— Это в приюте-то? В семье ей будет лучше, — заявила Валентина. — Мы с мужем советовались — если можно, пусть пока поживет у нас. Ребенок и так много пережил, и лучше пока ее не трогать. Знаете, она улыбаться уже начала! Подружилась на пляже с мальчиком.

Как я проходила кастинг

ВАЛЕНТИНА колебалась, отпуская утром Настю и Алину с Ксюшей на пляж. И не потому, что не доверяла старшей дочке. Наоборот, Ксюша была очень ответственной и даже слишком серьезной, а сестренку, когда они оставались одни, опекала как настоящая маленькая мама. Но всё-таки ответственность за чужую девочку не стоит перекладывать на ребенка, даже если он очень серьезный.

И, бросив все дела, Валентина решила следом за ними отправиться на озеро и сама присмотреть за девочками. Не держать же их, в самом деле, дома, пристегнутыми к собственной юбке, когда стоит такая хорошая погода, и пляж рядом, и можно купаться. Ни на какое море ехать не надо.

Как же вовремя она спохватилась! Серьезная Ксюша не пошла, как договаривались, сразу на пляж, а вместе с малышками ходила через весь город навестить вчерашнего знакомого Сережу Ларионова, который подрабатывает в каком-то кафе. И ведь в голову не пришло, что, если бы, не дай бог, с их маленькой гостьей что-нибудь случилось, как бы они потом отчитывались?

Валентине чуть плохо не стало, когда она пришла на озеро и не увидела своих, и не могла их нигде найти, бегала по всему пляжу, всех спрашивала и описывала трех девочек.

И вот три девочки появляются вместе с Сережей! Валентина сдержалась, не стала отчитывать дочку при младших и при кавалере, упрекая за легкомыслие. В конце концов, сама виновата, не надо было отпускать.

Она расположилась с книжкой в тени под соснами. Молодежь — Ксюша, Сережа и подошедшая Сережина одноклассница, кажется, Зоя — наоборот, поджаривались на солнце и дружно болтали. А Настя, Алина и Зоин, наверное, младший братик собрались своей компанией у воды.

Мальчишка, хоть и был младше всех, тут же взялся руководить строительством песочного города. Девочки не противоречили, потому что он знал в этом толк — показал им, как сделать мост, чтобы тот не обвалился, как пропустить под ним канал, как украсить башню высоким шпилем. Если предварительно воткнуть палочку, а потом облепить ее песком, шпиль получится и прочнее, и выше. Еще он знал, как населить дворцы жителями и смастерил целую кучу человечков из сосновых шишек.

Как хорошо, что дети уже нашли себе общество, порадовалась Валентина. Особенно Ксюша, она такая замкнутая. В конце концов, всё, что ни делается, к лучшему — и сама она неожиданно выбралась на солнышко. Сейчас наверняка занималась бы дома бесконечными хозяйственными делами, которые никогда не переделаешь. А кто знает, сколько простоят такие погожие денечки? Может, завтра дождь пойдет, и занимайся тогда стиркой и уборкой.

Ксюша пока даже не радовалась, а только удивлялась тому, как легко и интересно общаться с этими ребятами, с которыми она едва знакома. С некоторыми одноклассниками она проучилась семь лет, а кроме дежурных фраз двух слов не сказала — да вроде и не о чем.

Сережа прекрасно разбирается в компьютере, а говорит об этом, как о пустяке, нисколько не важничая. Он всего на год старше, а уже работает, и сам пригласил ее вчера заглянуть в свое интернет-кафе. Здорово! Она бы, наверное, тоже справилась. Правда, очень много посетителей, и одни бестолковые, другие капризные, третьи назойливые, а всех надо обслужить.

И Зоя, оказывается, работает этим летом — на почте. А еще помогает сестре сидеть с племянником, который явно не ангел: когда они спрашивали прохожих, где интернет-кафе «Три пескаря», им отвечали: вон там, напротив, где ребенок кричит.

Выходит, только она прохлаждается на каникулах, ничего не делает, барышня-москвичка. И неожиданно для

себя Ксюша рассказала новым знакомым, как тоже собиралась искать работу — в шоу-бизнесе, и вырезала несколько газетных объявлений. Только неожиданный отъезд на дачу сорвал все планы. И тут же пожалела о сказанном, застеснялась: сейчас, наверное, фыркнул оба — нашлась артистка из погорелого театра.

Но ребята слушали с пониманием, а Зоя уточнила насчет объявлений:

— Это где требуются юноши и девушки в группы поддержки? Или начинающие модели, на съемки, выставки и презентации, да? — И поведала о собственном опыте: — А я поперлась, представляешь, на «Фабрику звезд»! Меня еще Андрей Викторович, Сережин папа, он журналист, подзадоривал: давай-давай, потом мне всё расскажешь, соорудим интервью «Как я проходила кастинг», или что-то вроде, — она заливалась смехом. — Сестра, Света, наоборот, просила: не надо. Она у меня такая трогательная, боялась, что если ничего не получится, я буду потом переживать. А Аркадий, ее муж, папка вот этого мелкого чудовища, наоборот: ничего, пускай попробует, а вдруг заделается звездой — и денег дал на дорогу и на платье. Ну, а родителям я не сказала ничего, поехала, и всё.

— И что? — спрашивала заинтригованная Ксюша.

— А представляешь, совсем ничего! Меня там спросили: ты откуда, девочка? Я говорю: из Белогорска. А они: ну и езжай к себе в Белогорск! — Зойка от души смеялась над своим приключением и, видимо, уже несколько не переживала. — А ты тоже за малышами присматриваешь? — спросила она Ксюшу, глядя на дружно щебечущую компанию, строящую дворцы из песка.

Ксюша принялась рассказывать про потерявшуюся девочку. Сережа ей помогал, вспоминая вчерашнее происшествие.

— Любовь Сергеевна всё устроит, — уверенно сказала Зоя, — найдет ее родню.

— Мама — да, конечно, — вздохнул Сережа. — Только ей

сейчас так некогда — у нас Жене операцию делают. Мама даже отпуск специально взяла. Пойду-ка я в кафе, мне Игорь обещал позвонить, как там дела. Может, я уже дядя.

— Тогда готовься к трудностям. Племянники — это не шутка, — наставительно сказала ему Зоя, поднимаясь. — Мы тоже пойдем. Как бы мой королевич не перегрелся, сейчас уже вредное солнце. И кормить его пора. А приходите сюда завтра! На это же место. Мы тоже придем.

— Я только на часик смогу, наверно, как сегодня, — отозвался Сережа. — Я завтра опять работаю.

— А мы придем, — пообещала Ксюша. — Если солнце будет.

— Куда оно денется?

Оторвать Стасика от Алины удалось с трудом. Он не желал расставаться с новой подружкой, подозрительно смотрел на Зою, обещавшую, что все они придут сюда завтра, и, наконец, прощался очень трогательно. Алина махала ему вслед рукой, и все первый раз увидели, как она улыбается.

— Надо же, как подружились, — заметила Валентина, собирая и стряхивая пляжные коврики.

— Они даже чем-то похожи, правда, мам? — тоже глядя вслед уходящим, сказала Ксюша.

— Улыбаются одинаково, — подсказал Сережа. — Вот мы с Женькой совсем не похожи — потому что она на папу, а я на маму — а похожи, только когда улыбаемся. Так все говорят.

Уходя с пляжа, Алина аккуратно собрала и взяла с собой всех шишечных человечков.

Теперь есть памперсы

ВЕРНУВШИСЬ к себе, в дом под раздвоенной сосной, Любовь Сергеевна начала бодро ходить по комнатам. Тут надо полить цветы, там — убрать в шкаф невесть зачем вынутые вещи, вытереть пыль, открыть окно — проветрить. В общем, сразу нашлось много дел. А ведь думала, что только доберется до кровати — и рухнет.

Ночь прошла без сна, весь день вслед за ней — в неутрахающей тревоге: как закончатся обе операции, как перенесет их Женя, когда она после наркоза придет в себя, как будет чувствовать себя новорожденный, и кто же это окажется. Хоть им давно обещали мальчика — бывает, что и УЗИ ошибается. Уже на автопилоте добрела до Егоровых — навестить Алину Колесову.

А сейчас на тебе — летает по дому и занимается какой-то ерундой. Главное, дочка жива и обязательно будет здорова — и теперь не страшны ни хлопоты, ни депрессии, ни всякие синдромы. С чем угодно можно справиться, если у детей всё в порядке.

Она — бабушка! У нее есть внук! Еще одним человеком стало больше на свете, и каким! Ее родным человечком, которого она даже пока не видела. Вспомнилось, что ее мама двадцать лет назад, проводив в роддом ее, Любу, тоже не находила себе покоя и, не в состоянии усидеть дома, отправилась в парикмахерскую. Причем раньше она туда практически не ходила, из экономии они обычно подстригались дома. И вот там-то и узнала, что у нее родилась внучка.

Бабушка! Какое слово солидное, степенное, на нее ну совсем не похожее.

Да, быть бабушкой — это обязывает.

Напряжение свалилось, а есть еще не хочется. И хорошо! Может, удастся сбросить хоть пару килограммов за этот отпуск. Надо только попить для галочки, это будет

считаться ужин. Люба налила себе чаю и включила телевизор. Как раз сейчас должен работать местный канал — хотелось проверить, сообщат ли еще раз о Колесовых.

Заскочил Игорь собрать какие-то Женины вещи.

— А зачем их увозить? — удивилась Люба. — Женя вернется — всё это будет нужно.

— Так она домой вернется. — Игорь имел в виду свою квартиру в «городской» части Белогорска.

— Как? — еще больше удивилась Люба. — Разве не сюда, к нам? Мы же вроде решили...

— Мы решили, что она поживет с вами до родов. Кто же знал, что всё произойдет вот так... и так стремительно.

— Но, Игорь, ей же нужен будет уход после двух операций! Их-то мы никак не планировали. Вряд ли она сможет ухаживать сама за малышом первое время.

— А я зачем?

Любовь Сергеевна хотела что-то сказать об отсутствии у молодого отца всякого опыта, о том, что первые месяцы в жизни новорожденного особенно важны и что зачем-то же она взяла отпуск. Но притормозила: высказанные вслух, все эти справедливые вещи опять могут быть восприняты как «вмешательство во внутренние дела» молодой семьи, а отсюда недалеко до скандала.

И что же, вот так сдаваться? Самоустраниться? Пустить всё на самотек? Полуживая Женька через несколько дней будет там одна — неумеха Игорь не в счет — мучиться с младенцем, а она здесь целый месяц сидеть сложа руки? Прохлаждаться в отпуске?

— Вы всегда можете к нам приходиться, — добавил Игорь, довольный тем, что гром не грянул.

— Игорь, — мягко, почти вкрадчиво произнесла Любовь Сергеевна, и ее тон заставил зятя насторожиться. — Если бы это были обычные роды! Тогда ради бога, езжайте домой и управляйтесь там как хотите. В конце концов, сейчас есть памперсы. Но речь идет о больном человеке. После двух — двух! — операций Женьке нельзя будет напрягать-

ся. Это же швы, могут быть осложнения, я не знаю, спайки, что угодно. Ее надо будет очень беречь. Ты уверен, что справишься и с больной женщиной, и с грудничком?

— Вы всегда можете к нам приходиться, — повторил Игорь, который сразу поскуучнел, поняв, что выяснения отношений не миновать. — Я от вашей помощи не отказываюсь.

— Так почему не пожить пока у нас? — напирала Любовь Сергеевна. — Зачем мне бегать по городу, как приходящей няне? Здесь мне будет удобнее.

— А мне?

Разговор зашел в тупик. Любовь Сергеевна попробовала напомнить зятю о его работе, он сам говорил, что дело нельзя выпускать из рук. Как же он собирается разорваться на две части? Игорь сообщил, что сразу по выписке Жени возьмет отпуск на месяц — жена и ребенок для него важнее, чем любое дело. А в «Пескарях» вон и Сережка прекрасно справляется.

— Нашел управляющего, — только и проговорила потрясенная Любовь Сергеевна. — Да ни за что не поверю, что ты бросишь своих драгоценных «Пескарей». Всё равно будешь туда бегать. И это будет называться отпуск.

Тогда Игорь напомнил Любове Сергеевне о ее собственном отпуске, который начался с того, что ей прямо домой привезли найденного на дороге ребенка, и она постоянно только им и занимается, вместо того чтобы спокойно, как все бы сделали, предоставить это коллегам.

— А этот твой сосед наверху? — в лучших традициях женской логики возразила Любовь Сергеевна, совершенно не отреагировав на справедливое замечание зятя. — Который круглые сутки сколачивает какие-то табуретки? Он стучит с постоянством дятла — и будет стучать! А те, что рядом, вечно что-то празднуют с гармошкой и с топаньем. Какие же это условия? А здесь, в Сосновом Бору, тишина, покой — как раз то, что нужно для новорожденного.

Игорь, ненавидевший скандалы и выбравший, как все-

гда, тактику уклонения, ждал, когда либо разговор вернется в разумное русло, либо бессонная ночь всё-таки даст о себе знать, или, в конце концов, придет кто-нибудь из своих и разрядит обстановку. Или хоть телефон зазвонит!

Он представил на минуту, как они с Женей остаются здесь: парадом командует Любовь Сергеевна, и получается не один ребенок — их сынишка, пока еще безымянный, а три — сынишка, Женя и Игорь. И еще четвертый Сережка. Без комментариев.

Зазвонил телефон.

Любовь Сергеевна сняла трубку. Это был Гусятников с сообщением, что нашел координаты уехавших на юг Смирновых, созвонился с ними и выяснил: они о Колесовых ничего не знают.

И здесь тупик. А Гусятников в трубке поздравлял с рождением внука и спрашивал, как назвали.

Этот вопрос был принципиальным и до сих пор оставался открытым. Жене из всех мужских имен нравились только Андрей, Сергей и Игорь, но ее отец, Андрей Викторович, был против таких повторений: соберется вместе вся семья, и будет непонятно, кто кого зовет и кто к кому обращается. Игорь тоже был против дублей — каждый хотя бы в своей семье должен быть индивидуальностью. «Когда я в первый класс пришел, и оказалось, что там еще три Игоря, мне это на все десять лет жизнь отравило».

— Надо еще, чтобы с отчеством сочеталось — Игоревич, — посоветовал Гусятников.

— Надо, чтобы сочеталось с Игоревичем, — передала зятю Любовь Сергеевна, озабоченная теперь уже этой не менее важной проблемой — имя ведь дается на всю жизнь! Кто где будет жить, в конце концов, можно и утром решить на свежую голову. — Где у Женьки словарь имен? Попробуем, поподбираем?

Ради чего стоит чистить зубы

— Я ХОЧУ на пляж!

Это были первые слова Стасика, когда он проснулся.

— В окно погляди, — отозвалась Зоя, лежавшая с журналом на диване.

Небо за окном было невнятно-серенькое, по стеклу бежали капли. Ничего похожего на вчерашний солнечный день. Стас влез на подоконник. Всё пропало: мокрый асфальт, дождь ночью шел основательно и только что закончился.

— А я не хочу никакого дождя! Ты обещала на пляж! Я хочу играть с Алиной!

Зоя потрепала его по голове:

— Одевайся. Может, день еще разгуляется.

Стас и завтракать уселся на подоконник, упорно наблюдая, не разгуливается ли день. Но за окном ничего не менялось.

— Включить мультики? — предлагала Зоя на выбор. — Или давай почитаю Буратино, мы там на самом интересном остановились. Ну, хочешь, повешу мишень, постреляем из арбалета? Или в жмурки, а я вожу? Хоть бы на лестницу залез, какой тебе папа спортивный уголок отгрохал! Давай, покачайся на канате, как шимпанзе. Будем в джунгли играть!

Стас всё отвергал и ничего не хотел, кроме одного.

— Хочу играть с Алиной.

— Хочу много чуп, хочу играть с Алиной! Не всё же можно, чего хочешь, даже если ты королевич. Никто сегодня на пляж не пошел, не только мы, там песок мокрый. Алина тоже дома сидит и наверняка не капризничает.

— Тогда поехали к ней домой.

— Здравсте! А нас звали?

— Ну и что.

— И вообще, Алина старше тебя, чего играть с большой

девочкой? Ей, может, с тобой неинтересно.

— Интересно! И мне интересно!

— А с Настей неинтересно?

Упоминание о второй подружке Стас просто пропустил мимо ушей. Какая эта Зойка! Почему только все считают ее умной, и мама, и папа? Вечно ей надо объяснять то, что и так понятно. И ведь приходится втолковывать, потому что от нее зависит, увидится он снова с Алиной или нет.

— Алина лучше всех! Она не дразнится и меня не обижает!

— Ты сам всех обижаешь, — вставила Зоя, но Стас не слушал и выпалил самый веский аргумент:

— Она конфету мою подняла!

Дело было не в самой конфете — Алина единственная сочувствовала ему в тот ужасный момент, когда все злились на него или насмехались, да еще волокли, как будто он неживой предмет, и приходилось, борясь со всеобщей враждебностью, кричать еще громче. Стас вложил в свои слова именно этот смысл — и Зоя поняла. Да, действительно, пожалуй чудовище в припадке буйства — подвиг. Очень необычная девочка.

Зое и самой было бы спокойнее, если бы малыш не куксился и не ныл, а играл со своей подружкой. Тем более что это так непривычно — обычно Стас ни с кем из детей не уживался, пытался верховодить, командовал, отнимал игрушки, и всё неизменно кончалось дракой. К нему во дворе давно уже никто не подходит. Вчера впервые всё пошло не по этому сценарию. Здорово было — она и не заметила, как время прошло. И Ксюша-москвичка — интересная девчонка. Неплохо было бы опять увидеться.

— Ну, собирайся, поехали.

Иначе он весь день будет брюзжать и изведет вконец.

— Они рядом с Ларионовыми живут, в Сосновом Бору. Попробуем их найти и набиться в гости.

Стас не верил своим ушам. Зойка иногда так шутит, как будто всерьез говорит, как тогда, про страшного зверя. Или

не шутит?

— Только учти — чтобы без всяких концертов в чужих людях, если нас пустят. А если не пустят — тоже чтоб без концертов. Понял?

Стас потрясенно кивнул головой. Зойка не шутит! Они поедут к Алине!

— Прямо сейчас? На автобусе? — тихонечко уточнил он.

— Ну не на такси же. На машине папаша будет катать. Дай-ка я одену тебя попримочней. Ты уже йогурт шлепнул на эти штаны. И зубы все-таки не мешало бы почистить, как думаешь?

Надо поторопиться

В АВТОБУСЕ по пути домой Стас, захлебываясь, рассказывал, что у Алины, оказывается, нет ни папы, ни мамы, только бабушка в больнице. Зоя спокойно отвечала, что это всем известно.

— Даже в газете напечатали объявление, ищут их родственников. Чего ты переполошился?

Но Стас не успокаивался, и Зоя видела, что он крепко обдумывает какую-то важную думу.

— А если не найдут? — спросил он.

— Кого?

— Ну, родственников?

— Бабушка поправится и увезет ее домой.

— А если не поправится? Помнишь, наша бабушка как долго болела? Вдруг и эта будет всё болеть, болеть? Куда тогда Алина? Останется у Насти?

— Не знаю. Не обязательно. Она не их ребенок. Наверное, ее заберут в детский дом.

— А если бабушка умрет, она же старенькая? — допытывался мальчишка.

— Да чего ты пристал! Если бы да кабы! Пока ничего

не случилось, зачем ты каркаешь, — рассердилась Зоя и вдруг догадалась: малыш, наверное, ставит себя на место этой девочки и представляет, что будет с ним, если он вдруг останется без родителей. Такое бывает, навоображаешь семь верст до небес и заливаешься слезами от жалости к себе. — Не бойся, дурачок, — торжественно сказала она. — Ты один никогда не останешься, у тебя есть я!

— Я не каркаю, — терпеливо продолжал Стасик, — и я не дурачок. Но бабушка все-таки старенькая. А старенькие иногда умирают. И если она не умрет, всё равно, бабушка — это мало. Дети живут с мамами и папами. А если Алина попадет в этот детский дом, она там насовсем останется?

— Откуда я знаю. Детей усыновляют иногда приемные родители. Девочек удочеряют.

— Ну вот! — Стас непонятно глядел на нее. — Нам надо поторопиться.

— Куда? Ты о чем?

— Об Алине. Надо поторопиться скорее самим ее усыновить, пока другие не набежали. Она такая хорошая, все захотят. Я прямо сейчас скажу маме и папе, когда они вернутся.

Зоя была огорошена и не знала, что ответить. А у Стаса эта мысль прочно засела в голове и, похоже, разрабатывался целый план. Как она ни пыталась его отвлечь, он упорно к нему возвращался. Потеряв терпение, Зоя сказала:

— Да с чего ты взял, что Алина захочет у тебя жить?

— Да, у Насти целый дом красивый, и комната игрушек, — тут же принялся размышлять Стас. — Может, Алина там захочет остаться. Но я ее уговорю. У нас тоже неплохо. На лифте можно кататься. А там, — продолжал он сравнивать, — там целая мастерская, и можно фигурки из глины лепить, мы пробовали. Тетя Валя показывала. А у нас зато есть видео и велотренажер, и машина — кататься...

— Стас, прекрати! Ты совсем заигрался.

— У Насти есть и сестра, и кошка, и хомяки, и еще птички! Зачем ей еще Алина! А у меня совсем никого нет, я все-

гда совсем один! — закричал разгневанный Стас.

Пусть родители с ним разбираются, решила Зоя, хватит с нее. Пусть им голову морочит. Довоспитывались. Стасу всё можно, Стас везде первый, а теперь подавай ему живую игрушку. Как они выкрутятся? Не догадались птичек купить.

Кричат хозяева «ура!»

ВАЛЕНТИНА, проходя мимо прихожей, бросила взгляд на ровные ряды обуви, взрослой и детской. Дома эти ряды мигом теряют стройность, какой-нибудь башмак или тапок непременно «убежит» в комнаты. А сейчас, на чужой территории, все стараются соблюдать образцовый порядок, словно боятся, что хозяева вот-вот постучат в дверь и застанут их врасплох. Надо же, никогда бы не подумала, что образцовый порядок вдруг покажется таким унылым.

В дверь постучали.

— Это мы, — сообщила Зоя, стоящая на крыльце. — Здравствуйте. Можно Стасику поиграть с вашей Алиной?

Сверху, из комнаты Насти, выглянула Алина, увидела вчерашнего знакомого и закричала:

— Стасик пришел!

У Валентины даже сердце замерло от этого радостного детского крика: вот он, ее настоящий голос! Наконец-то зажатая, безмолвная девчушка ведет себя как нормальный живой ребенок. На ее крик выглянула Ксюша и тоже обрадовалась:

— Зоя! Ты ко мне?

— Если можно, — скромно сказала Зоя. — Солнца нет. На пляже делать нечего. В общем, кто ходит в гости по утрам...

— Тот поступает мудро! — весело подтвердила Валентина. — Проходите, гости, как хорошо, что вы нас нашли!

*А если гость пришел с утра, ему спешить не надо!
Кричат хозяйева «ура!», они ужасно рады! —*

хором декламировали Ксюша и Настя, пока гости поднимались по лестнице.

Ксюша повела новую подругу в свою комнату. Зоя оглянулась на племянника и предупредила его, подняв палец:

— Стас!

Она все-таки слишком хорошо помнила синяки и слезы обиженных в Королёвском дворе и в садике, так же как и свои унижительные извинения перед родителями пострадавших. Стас не взглянул на нее и независимо прошествовал за своими подружками.

Комната со зверями и множеством растений изумила его.

— Здесь можно играть в джунгли! Если еще вот эти горшки расставить на полу!

Игра получилась отличная, только вот один цветочный горшок перевернулся, и земля немного просыпалась.

— Ничего, — сказала хозяйка, — я подмету в совок, никто и не заметит.

Алина отряхнула от сырых комочков платье и шепотом сказала:

— Его нельзя пачкать, оно же не мое.

Тетя Валя очень долго уговаривала ее сегодня надеть другое платье, Настино, потому что ее платье пора уже постирать. Да и погода испортилась, после дождя стало прохладнее. Панамку она тоже хотела забрать, но Алина не отдала. «Это мне бабушка связала», — объяснила она. Панамка была связана крючком из простых белых ниток. Единственное, что ей напоминает о доме и о бабушке, поняла Валентина и отступилась, хотя панамка давно потеряла белоснежность. Алина и сейчас была в ней. Она снимала ее, только когда ложилась спать.

— Почему не твое? — не понял Стасик.

Девочка объяснила, а в заключение прибавила:

— Бабушка говорила, что от чужих ничего даром брать нельзя.

— Мой папа тоже говорит, что за всё надо платить, — согласился Стасик.

— Какие же мы чужие? — обиделась Настя. — Мы тебя любим. И потом, вы, может, к нам ехали.

В комнате Жанны Лончинской, где расположилась Ксюша, порядок был строгий, а обстановка — почти аскетическая. Ни безделушек, ни подушечек, ни картинок по стенам, как вроде бы должно быть в девичьей. Здесь царил компьютер и всё, что к нему относилось — диски, книги, журналы, большой пузатый кактус — поглотитель вредоносного излучения. Он был здесь единственным представителем растительного мира, в отличие от Настиной комнаты.

— Как здорово! Как просторно, — восхитилась Зоя, окидывая взглядом пустые стены. — Сколько постеров навешать можно! Ты, наверное, еще не успела. А почему два компьютера? Один хозяйский? А свой ты из Москвы привезла? Он что, твой собственный, не папин-мамин? Классно! А какие у тебя есть игры?

Ксюша любила старые «досовские» игры, еще тех времен, когда они купили компьютер и она его осваивала: «Король-лев», «Аладдин», «Братья Пилоты». Зоя тоже им обрадовалась, как старым добрым знакомым.

— С ума сойти, это ж мои первые игры! У меня своего компьютера долго не было, я у сестры играла. На день рождения подарили наконец. А «морской бой» есть? А ну-ка!

Зоя принялась играть, но, помня, что она «при исполнении», время от времени приглушала звук в колонках и прислушивалась к малышовой комнате — нет ли драки. Иногда даже в щелку заглядывала: троица самозабвенно ползала по джунглям.

— Всё мирно, — удивлялась она. — Никак не привыкну. Знаешь, у меня такое ощущение, что я должна вернуть

Аркашке половину денег — я на этот раз совсем не устала от королевича. — Потом вспомнила «Трех пескарей» и поправилась: — Ну, поменьше, чем обычно.

И тут малыши ворвались к ним, гомоня, размахивая руками и показывая какой-то истрепанный журнал. Это оказались старые-престарые «Веселые картинки». Они нашлись в волшебной кладовке, в которую, разумеется, надо было сводить Стасика. Он-то их и обнаружил. Если Алина, попавшая в старинное игрушечное царство, благоговейно взирала на то, что ей демонстрировала Настя, ни к чему не прикасаясь, то Стас, конечно же, сразу сам полез в ящики. И вытащил то, что Егоровы-младшие пропустили при осмотре.

Журнал был не обычным, со страницами на скрепках, он разворачивался в «простыню», которая могла целиком поместиться разве что на обеденном столе. Одну сторону целиком занимала игра «Путешествие» в виде огромной карты — с маршрутом, картинками и многочисленными разноцветными стрелками.

— Дайте посмотреть, — склонилась Зоя. — Путешествие! Кругосветное! Нет, так ничего толком не видно, надо расстелить на полу.

— Зачем на полу? Пойдемте вниз, на большом столе разложим, — предложила Ксюша. — Не дергайте друг у друга из рук — порвете.

— Тут нужен игральный кубик с точками и много фишек, — догадалась Настя. — У меня кубик где-то есть, я поищу, а вот фишки...

С фишками помогла мама, которая принесла горсть разноцветных пуговиц. И себе тоже выбрала одну — не выдержала, подключилась к игре. Услышав про старинную карту, появился и папа, и его мигом привлекли к общему занятию.

«Путешествие» оказалось на редкость увлекательным: игроки мчались вперед на быстроходном паруснике, оказывались на необитаемом острове (тогда приходилось про-

пускать ход), взлетали на дирижабле, тащились по пустыне на верблюдах, догоняли ушедший поезд, жали на педали велосипеда, топали с рюкзаками. Коварная стрелка вдруг возвращала незадачливого путешественника почти в начало игры, и тут же фортуна улыбалась соседу, предлагая дополнительный ход.

Особенно весело было оттого, что путешественников набралось много — целых семеро. И папа с мамой, как и все, вдруг оказывались за бортом шлюпки и цеплялись за спасательный круг, и мама вдруг повисала в горах над самой пропастью, но потом удачно выкарабкавалась, и папа всё же не подкачал и первым добрался до космодрома.

Стас волновался больше остальных. Он по-настоящему горевал, когда вдруг опускался на парашюте прямо на ежа, и от души ликовал, ухитрившись проехать на оленях на пять ходов вперед.

— Стас, не нервничай, это же игра, — толкала его Зоя под столом.

Но он и в игре, как и во всем, хотел быть первым и ревностно наблюдал за успехами остальных игроков, придиричиво следя, правильно ли они ходят. Правда, он же предложил поменять правила игры, когда Алина третий раз подряд оказалась на необитаемом острове:

— Да ну этот остров! Сколько можно на нем сидеть! Если Алина всё время будет ходы пропускать, она никогда не улетит в космос.

— Это же игра, в ней правила, — урезонивала его Зоя, но он не унимался:

— Нет, это нечестно, все уже впереди, а она совсем сзади!

И остальные дружно с ним согласились и постановили, что если игрок попадает на опасное место третий раз, то оно уже не работает, а Алине предложили дополнительный ход.

Белую Панамку не было слышно, как остальных, она

ничего не выкрикивала, ни с кем не спорила, но тоже была увлечена игрой и даже не стеснялась больше Валентина Юрьевича.

Чуть позже к ним присоединился Сережа, заскочивший во время своего перерыва. Увидев в прихожей его кроссовки вверх тормашками и кучу обуви вместо стройных рядов, Валентина удовлетворенно вздохнула: наконец-то дом как дом.

Не станем заострять

ДО САМОГО вечера Стас был задумчивым, рассеянно слушал «Буратино», ничего не говорил и так же прохладно встретил родителей. Те совсем не хотели, чтобы он без них изнывал от тоски, но равнодушный прием их озадачил.

Света недоумевала: иногда она выбегала в магазин на пятнадцать минут, и сын, едва щелкал замок входной двери, неся ей навстречу и кидаясь в объятия, словно они не виделись сто лет. После двухдневной разлуки можно было рассчитывать по меньшей мере на то, что он повиснет на шее и так провисит до самого укладывания спать. Может, не дай бог, заболел?

— Вы не перекупались? Не попали под дождь? Говорят, тут так лило...

— ...не объелись мороженым, не лопали йогурт прямо из холодильника, не валялись в снегу, не сосали сосульки, — в тон ей перечислила Зоя. — Я постаралась сделать всё, чтобы угробить твоего единственного сына — сама видишь. Как отдохнули?

— Знаешь, замечательно! И погода выдержала, дождь стороной прошел.

— Нашей стороной.

— Очень славный отель, кормили вкусно, насильно не развлекали, музыка не грохотала, я так выспалась.

В следующий раз можем поехать в полном составе, и ты, Заинька, с нами. Тебе понравится, на катамаране погоняешь. Там многие были с детьми еще младше Стаса, так что, наверное, можно уже вывозить его в свет. Стасик, хочешь в путешествие?

— Нет, — мрачно отрезал Стас. — Я хочу другое. Сейчас папа придет, и скажу.

Света недоуменно посмотрела на сестру.

— Лучше я всё скажу, — мужественно начала Зоя, но тут в комнату вошел Аркадий, и Стас заявил с места в карьер:

— Я хочу, чтобы вы усыновили... удочерили Алину. Чтобы она жила у нас.

Он был так сосредоточен на этой мысли, на том, как ее преподнести маме и папе правильной, чтобы они сразу всё поняли и согласились. А когда ответственный момент наступил, растерялся и выпалил без всякой дипломатии. И тут же сердце упало: неужели всё испортил?

Но отец рассмеялся и попытался взять его на руки:

— Сейчас, сынок, обсудим все проблемы, только давай сначала поздороваемся.

Стас, обиженный тем, что от него отмахнулись, как от ничтожной мухи, начал вырываться, объясняя, что надо поговорить о деле, не откладывая и не теряя время на телячьи нежности:

— Я хочу, чтобы вы взяли к нам Алину!

Аркадий, обиженный тем же самым, поднял брови:

— Что значит «я хочу»? Так разговор не начинают.

— Твой королевич так всегда с людьми разговаривает, — прокомментировала Зоя. — Не замечал, что ли?

— А вот ты сейчас и объяснишь, в чем дело, — повернулся к ней Аркадий. — Нельзя уехать на два дня, сразу что-то случается!

— Ничего страшного, — жена потянула его за локоть на кухню и закрыла за собой дверь. — Зоя мне всё уже рассказала. Дело выеденного яйца не стоит. Стасик подружился с маленькой девочкой, у которой нет родителей, только

бабушка в больнице. И у него засело в голове, что девочку надо к нам забрать, чтобы он мог с ней играть всё время.

— И что теперь? Ерунда какая.

— Да ничего. Очень надо придавать значение. Это же ребенок. Не станем заострять внимание, он и забудет. И потом, зачем было сверкать глазами на Зою? Мы-то отдохнули, а у нее, считай, выходные пропали, а завтра на эту почту ни свет ни заря.

Маленькая тихая Света была настолько рациональным человеком, что всегда умела любую склудившуюся в семейной атмосфере проблему, даже самую бесформенную и пугающую, быстро упростить до элементарной схемы: всё это не значит ничего или очень мало, и делать с этим надо вот что и вот что. И схема всегда безотказно действовала, проблема решалась.

Аркадий, как правило, сначала не хотел ничего слушать, потом слушал невнимательно, потом внимательно, а в конце, побежденный логикой, в душе радовался, что можно, оказывается, не нервничать и спокойно заниматься запланированными делами. Лавина не накроет. За вычетом эмоций всё становилось просто и управляемо.

— Разве это трагедия — то, что мальчик привязался к чужому ребенку? — продолжала Света. — Или это что-то ненормальное? Вот если бы он опять подрался или что-то у кого-то отнял, был бы серьезный повод бить тревогу. Я, если честно, уже собиралась советоваться насчет этого с Симаковой.

Симакова была их бывшая одноклассница, психоневролог.

— У ребенка должны быть приятели в этом возрасте. И если это становится проблемой — мы должны помочь. И вот проблема решается сама собой: Стасик сам подружился с двумя детишками, пожалел девочку-сироту. Это же нормальная реакция! Я в его возрасте бездомных котят домой тащила.

— Сравнила, — усмехнулся Аркадий, совершенно успо-

коенный.

Кинул на холодильник купленные за выходные газеты и журналы, прочитанные и непрочитанные, и принялся разгружать пакеты с продуктами, привезенными на ужин.

— И что нам теперь? Может, в гости позвать бездомного котенка? Пусть играют?

— Посмотрим.

Они быстро накрыли на стол — Королевы любили вместе возиться на кухне, оба знали толк в еде и ее приготовлении — и позвали детей, Стаса и Зою. Стас потащился на кухню молча, без всякого оживления, а Зоя вдруг вообще распрощалась:

— Я дома два дня не была.

И совсем обескуражила Аркадия — отказалась от «гонорара», холодно заявив:

— Я могу себе позволить уделить время любимому племяннику. Он у меня единственный. Хотя сам, бедняжка, страдает от своего одиночества.

Довольная произведенным эффектом, она побежала вниз по лестнице. Вспомнила: опять Аркашке про письмо не сказала. Ну и наплевать. Сам найдет.

Ну что, подумали?

КОГДА в семь часов будильник закукарекал (именно петушиным голосом — кукование или соловей, например, ни на кого не действовали), возвещая о начале нового, уже рабочего дня, о понедельнике, то первое, что — или кого — увидели Королевы, был их сын. Стас в пижаме терпеливо сидел на краешке их кровати, ожидая пробуждения.

— Доброе утро, — проговорил он, давая понять, что не пренебрегает правилами вежливости. Для взрослых же это самое главное. И разговор начал не с невоспитанных слов «я хочу». Он их переделал в вопрос. — Ну что? Вы

подумали? Вы заберете к нам Алину?

Аркадий со стоном повалился на подушку. У Светы в голове мелькнуло: «Может, все-таки стоит поговорить с Симаковой?».

Вчера всё так хорошо наладилось: просьбу Стасика не воспринимали в штыки, да и он с ней больше не приста-вал. На расспросы родителей о новых подружках, о том, во что они играли, о походе на пляж и в гости отвечал спо-койно и обстоятельно.

И вот, пожалуйста — нате вам!

Аркадий попробовал тактику «незамечания»: поднял-ся, как ни в чем не бывало включил новости, пошел умы-ваться. Стас молчал. Но когда собрались на кухне, где уже бесподобно пахло кофе — не растворимым на скорую руку, а настоящим, молотым, из турки, который варила Света, знаток этого искусства — опять прозвучало:

— Ну что, теперь подумали?

Это был сдержанный, деловой вопрос, заданный очень терпеливым голосом. Стас понял, что криками и топаньем ног ничего не добьешься, они на это смотрят, как на детские капризы, а капризуле ничего не стоит отказать. Эта-то терпеливая сдержанность, совсем ему не свойствен-ная, и была подозрительна: родители сообразили, что сын может преследовать их этим вопросом сколько угодно дол-го. Кажется, пятилетний человек хотел, чтобы его прини-мали всерьез.

— Он решил взять нас измором, — пояснил Аркадий Свете и, подойдя к Стасу вплотную и присев перед ним на корточки, сказал: — Послушай, сынок. Ты можешь при-глашать к нам в дом своих друзей. Можешь сам ходить к ним в гости. Но никого из них мы не оставим у себя насо-всем. Так не делают. Ты большой и должен понимать: это не живые игрушки, не домашние животные.

Это было сказано тем решительным тоном, который Стас очень хорошо знал. Когда папа так говорит, возражать бесполезно.

Но у него был веский аргумент.

— Алина не сможет ходить ко мне в гости. Она здесь не живет. Ее нашли на улице и скоро опять увезут. Мы потеряемся навсегда!

Он вчера потратил столько времени, отвечая на все вопросы родителей и подробно им рассказывая, какая Алина хорошая. Неужели это до сих пор непонятно? Как же тогда с ними еще разговаривать?

Аркадию было не менее сложно. Они со Светой никогда не сюсюкали с сыном, не говорили с ним на детском языке. Они считали, что надо обращаться с ним, как со взрослым, и Стас всегда прекрасно их понимал. Но как объяснить ребенку достаточно жестокую вещь, что люди порой расстаются навсегда, и ничего с этим не поделаешь? Попытаться оттянуть время, отвлечь, обмануть, наконец? Но сын уже показал, что для него это важно, он так просто не отстанет. И так уже целый вечер и целое утро угроблены. Не хватало еще, чтобы вечером Аркадий вернулся домой, выжатый как лимон, и услышал заезженную пластинку: ну что, подумали? Даже Свете легче в этой ситуации, она всегда может перевести стрелки: вот папа придет и всё скажет. Нет, не следует рубить хвост по кусочкам. Пусть поплачет, в конце концов, но пусть это закончится.

— Стас, — решительно сказал Аркадий «тем самым» голосом. — Если девочка уедет, значит, так надо. Родители могут не всё. Мы можем купить тебе игрушку, кошку, собачку, хомячков, как у твоих друзей. Но мы не можем привести домой живую девочку, даже если она тебе очень нравится и даже если ты этого очень хочешь. Если у нее нет папы и мамы, то ее бабушка или другие люди решат, где ей жить. Мы этого решать не можем, потому что она чужая девочка. И мы больше не будем это обсуждать. Я вижу, ты меня понял. Света, в дверь звонят, — обратился он уже к жене. — Это должен быть Игорь, я собирался обсудить с ним расширение «Пескарей». Пойду открою.

— Стасик, — Света обняла насупленного сына. — Папа

всё правильно сказал. Ты же сам знаешь, что в семье всегда живут только родственники — родители и их дети. Я понимаю, что тебе скучно одному. Зоя не может часто приходиться, и она уже большая. Но, может быть, у тебя появится маленький братик или сестренка, и тебе будет с кем играть.

— Не будет. Я видел этих, которые только что появились — они лежат в коляске, и всё, — резонно возразил Стас. — От них никакого толку. Вон во дворе синяя коляска ездит целое лето, а он в ней лежит и лежит, и совсем не играет. Я скоро в школу пойду, а он так и останется малявкой. А у тебя еще и не родился никто. Я наелся. Спасибо. И я всё понял, можете меня уже не уговаривать.

Он еще раз сказал «спасибо», чтобы не обвинили в невоспитанности, и пошел в свою комнату.

Кажется, всё, с облегчением подумала Света.

Дело не в количестве

ПРОВОДИВ Аркадия, Света включила компьютер и принялась за работу. Она была у мужа главбухом. Причем поступала на бухгалтерские курсы почти «просто так» — Стасу тогда исполнился год, она засиделась дома и рада была поводу выйти в люди.

Да и хотелось хоть немного разбираться в бухгалтерии, чтобы хоть немного помочь — тогда у них были только кафе «Три пескаря» и небольшой продуктовый в центре, и Аркадий видел, что прибыль явно утекает приличным таким ручейком. Хорошего бухгалтера вообще найти трудно, особенно в маленьком городке вроде их Белогорска, где все на виду и наперечет. А уж не просто хорошего специалиста, а надежного человека — и подавно.

Им-то и стала для Аркадия собственная жена. Неожиданно для себя Света увлеклась, казалось бы, рутинным делом, начала вникать, стало получаться, и постепенно она

взяла на себя всю бухгалтерию. Тем более что основную часть работы можно было делать дома, на компьютере, не оставляя Стаса, который так и не прижился в детском саду.

Да, глупо вышло с «братиком или сестренкой». Конечно, даже пятилетнему ребенку понятно, что при такой разнице в возрасте ни общих игр, ни настоящей дружбы быть не может — или старший станет верховодить и подавлять, или они просто не будут общаться из-за различия интересов.

Например, как сама Света и Зоя. Они ведь только сейчас, когда та подросла, стали по-настоящему разговаривать.

Конечно, у них крайний случай, шестнадцать лет разницы не часто встречается. Тут уж какая дружба, сестренка была для нее порядочной обузой. Свете хотелось сходить куда-нибудь с друзьями или погулять с Аркадием — они были одноклассниками, а потом опять вместе учились в Пищевой академии, — а мама просила посидеть с малышкой. Зато теперь она прекрасно понимает, каково Зое нянчиться со Стасом.

Что-то он там притих у себя. Переживает, наверное. Ничего, лучше его сейчас не беспокоить.

Чтобы дети могли общаться и играть, их надо рожать подряд. Промежуток даже в три года великоват — уже разные игры, разные книжки, разные классы в школе.

Да что об этом — поезд ушел. Она и Стасика родила в двадцать пять, а сейчас, когда, как говорит ее мама, «пошел уже четвертый десяток»... После тридцати и правда всё сложнее.

Если бы она была еще гламурной дамой, богатой женой-бездельницей на шее у мужа. А то она — тот самый гвоздь, который вытащи — и пусть не всё здание их благополучия, вместе, «в четыре руки» построенного, но порядочная часть всё же рухнет. Или, если сравнение с гвоздем не совсем эстетично, она — та самая мышка, маленькая

и незаметная, без которой тем не менее не выдернется никакая репка. Остальные будут только надрываться впус-
тую.

Вот кем ее заменить, если она, например, сейчас вдруг выйдет из игры? Да некем. Все их «бухи» — простые исполнители, чуть что, звонят ей, своему главному.

И потом, Аркадий и не заговаривал никогда о втором ребенке. И она сама не озадачивалась этим вопросом. Под-
разумевалось, что они всегда смогут позволить себе то, что захотят, в том числе и это. Но по порядку, попозже, сейчас просто завал работы, да и Стасик — человек непростой и требует столько внимания. В конце концов, медицина сейчас успешно продвинулась, и в сорок лет женщины пре-
красно рожают, на Западе это вообще уже норма.

А что, действительно, подрастить старшего до опре-
деленной самостоятельности, а потом, как мама когда-то, произвести на свет еще одно чадо, для радости, жизнь обновить. Почему бы и нет?

Что за мысли лезут сегодня в голову! Наверное, из-за этой Стасиковой девочки. Невольно представился второй ребенок в семье.

Семья... Она ей нелегко досталась. Всего этого и уютно-
го, и делового мирка очень просто могло бы не быть.

Света вспомнила, с каким возмущением ее родители, сотрудники научного института, восприняли сообщение дочери о том, что она собралась замуж. За кого? За бывшего одноклассника, мальчишку-молокососа! Студенты тре-
тьего курса, они что, с ума сошли? На что жить собираются? А если дети пойдут? Нет, пусть сначала закончат уче-
бу, встанут на ноги, как полагается, тогда и заводят семью. Если вообще их дочь выберет ровесника, а не человека постарше — опять-таки как полагается.

Сейчас, по прошествии стольких лет, она прекрасно понимает и их тогдашнюю тревогу, и нервозность. Они сами тогда сидели без денег, зарплату в НИИ выплачивали смехотворную, а встать в торговые ряды или как-то иначе

вписаться в новую послеперестроечную жизнь родители не смогли. Они и сейчас там же, в своем институте, хотя многие их коллеги давно сменили профессию и живут припеваючи.

Понятно, отец, который сам не мог обеспечить семью, был в ужасе от того, что дочь приведет такого же мужа. Перспектива всеобщей голодной смерти казалась ему и маме слишком реальной. В общем, Аркадий был не ко двору, и ему заявили об этом без обиняков.

И он до сих пор этого не забывает и не может простить, что в него тогда не поверили. Иногда Свете казалось, что, развивая свое дело и выкладываясь ради его процветания, он тем самым словно говорит ее родителям: «Вот вам! Смотрите-смотрите, могу ли я прокормить семью. Теперь я кормлю весь город. В мои кафе и магазины ходит весь Белогорск. И где там ваши надежные и солидные „мужчины постарше“?».

А их квартира в престижном доме в центре должна была напоминать ее родителям о том, с каким презрением они относились тогда к «деревенщине» — семья Аркадия жила в Сосновом Бору, в деревянном домишке. «По углам — мыши, а туалет — на улице», — приговор мамы, которая не могла представить, чтобы ее дочь пошла туда жить. Несмотря на всеобщее поветрие, Аркадий, когда они потом выбирали жилье, ни в какую не хотел отдельного загородного дома, а только квартиру в «городе». Светины родители никогда в нее не приходили.

Их натянутые отношения, которые точнее было бы назвать холодной войной, — единственное, что и сейчас отравляет ей жизнь. Но Света сразу свела всё к схеме «чем дальше, тем родней», чтобы колесо не завертелось и война не стала горячеей. Формальные визиты или звонки Аркадия по праздникам, вежливые поклоны на улице — а поговорить с мамой по душам она всегда может приехать сама.

И родителей, казалось, это устраивало. Они даже с внуком не проявляли желания посидеть: «вы богатые,

няню наймете». Только Зоя к ним прибегает. Ей, наверное, непросто между двух огней. И живут родители всё так же скромно, если не сказать бедно, но помощи ни малейшей не принимают. Только Зое удается подбрасывать то деньги, то подарки.

Тогда, после памятного от ворот поворота, они с Аркадием не разбежались, а поначалу еще больше сплотились, полные решимости доказать всему свету, что не легкомысленные молокососы, а наоборот. Но что-то неувловимое всё же между ними пробежало. И на практику поехали почему-то не вместе, а с практики Аркадий вернулся совсем отдалившийся. И после института их дороги разошлись, работали в разных местах.

Только через год, когда они случайно встретились у друзей, оказалось, что прежние теплота и привязанность никуда не исчезли — и Аркадий со Светой уже не расставались.

Так как же ей не ценить и не беречь свою семью! Как не понимать, что для Аркадия значит его работа — их работа, их дело! Не только она, Света, нужна работе, работа нужна ей, потому что это продолжение ее семьи, это, наконец, часть жизни Аркадия и ее собственной жизни.

И какая разница, один у них королевич, как называет его Зоя, или их несколько. Не в количестве же дело, а в том, чтобы люди были счастливы и любили друг друга.

Да, понедельник — день тяжелый, никак не удастся «войти» в работу. А на носу полугодовой отчет. Слишком много отвлекающих мыслей. И что-то Стасика совсем уж не слышать.

Света заглянула в комнату сына. Стаса там не было. Она подумала, что он с ней играет, может, хочет внезапно выпрыгнуть откуда-нибудь с гиканьем и взять в плен — он всегда ревновал ее к компьютеру, у которого мама просиживала часами, вместо того чтобы заниматься с ним. Проща по комнате. Тихо.

Свете понадобилось достаточно времени, чтобы обо-

ти всю квартиру, заглянуть во все углы, под кровати, кресла, в кладовку и на балкон, и чтобы убедиться — Стаса нигде нет.

Входная дверь оказалась не заперта, и Света была дома одна.

Главное — не хлопнуть дверью

СТАС кинул в угол своей комнаты большую подушку в виде черепахи и уселся на нее. Всё рухнуло. Родители не хотят Алину. Они сказали, что она чужая девочка.

Машины, кубики и детали конструкторов сложены в решетчатые пластмассовые корзины и в большой сундук для сокровищ. Книжки на подоконнике в художественном беспорядке. Разноцветные леговские детальки и человечки свалены кучей на специальном лего-столике. Еще на одном столике, заляпанном пластилином, — коробки пластилина и краски с кисточками. Короче, порядок. Это он так прибрался вчера, чтобы показать родителям свою серьезность и ответственность. Всё напрасно.

В комнате всё как всегда, а кажется так пусто, так скучно. Не то что вчера у Насти, когда они носились. Стас прикинул, а понравились бы Алине его игрушки? У него, конечно, нет девчоночьих кукол, но здоровенный слон, на котором можно сидеть и даже лежать — неужели не понравился бы? Или та черепаха, на которой он сейчас верхом. Мягкие игрушки все любят. Или львенок, совсем маленький, он с ним спит. Если бы она тоже захотела с ним спать, он бы отдал. А спортивный уголок — вчера она здорово лазила по лесенке у Его-ро-вых. У него тоже лесенка есть. И в конструкторы они могли бы играть, и из пластилина можно лепить, как из глины вчера.

У него столько всего есть! И всё теперь кажется неживым, потому что одному играть совсем не хочется. А если

Алину увезут насовсем, придется всегда вот так сидеть, сидеть. Другие дети не такие, как она, они ничего не понимают и сразу на всё обижаются, с ними не поиграешь. Вот разве что Настя... Нет, Настя хорошая, но она тоже не то.

Стас не мог отделаться от ощущения, что должен что-то сделать. Что-то совсем особенное, причем сам, без мамы и без папы, раз они не за него. И поскорее. Он сам вчера говорил Зое, что надо поторопиться, что или бабушка выздоровеет и увезет Алину, или кто-нибудь усыновит... удочерит ее, не дожидаясь никакого детского дома. В общем, надо как-то попасть к Алине, пока она не исчезла.

Стас сделал это открытие и обрадовался. Немного тревожило, что всё придется делать самому, что никто не поможет. Даже Зойки рядом не будет. Ну, что ж. Мама постоянно твердит, что он должен всё делать сам. Правда, это она про другое, но неважно.

В Сосновый Бор он доберется, лихорадочно соображал мальчик, он же знает дорогу. И номер автобуса помнит. Но как его встретят тетя Валя и дядя Валентин? Ну, дядя наверняка на работе, а вот тетя дома. Она никуда не ходит, как мама, только мама сидит за компьютером, а тетя Валя лепит игрушки. Она, конечно, удивится, увидев, что он совсем один. Может, и с Алиной не разрешит встретиться. Поташит назад к маме. Взрослые все заодно.

И еще, ведь на автобус нужны деньги. Правда, он маленький, и Зойка ему билет не брала. Но если он поедет один, может, он уже будет не маленький? Лучше взять билет, чтобы никто не привязался.

Стас достал свою копилку-хрюшку — и его озарило.

Деньги! Конечно, это выход! У него там порядочно скопилось. Если все их отдать тете Вале, она наверняка пустит к Алине. Даже обязательно надо отдать — она ухаживала за Алиной, взяла ее к себе, кормила, платье дала. А он точно знает, что за всё надо платить. И Алинина бабушка то же самое говорила.

Решено. Он отдаст всю копилку, целиком, разбивать ее

некогда. А на автобусный билет — на билет, наверно, хватит той красивой десятирублевой монетки с картинками. Зойке дали ее на сдачу, а она ему подарила, потому что ему монетка понравилась. Зойка, конечно, вредная, но не жадная, это точно. Он еще не успел эту денежку положить в свинью.

Повеселевший Стас засунул копилку в рюкзачок-обезьяну, нащупал монету в кармане. Он был готов. Мама не услышит, как он уйдет. Когда она за компьютером, то слышит разве что телефон, у нее даже на плите всё всегда убегает.

Он открыл входную дверь, стараясь не щелкать замками, и закрыл ее как можно тише.

Во дворе опять повезло.

Дядя Игорь, который во время завтрака заходил к отцу, еще не уехал. Стас конспиративно оглянулся по сторонам, но было рано, и ни дети, ни старушки еще не гуляли — и подбежал к его машине.

— Дядя Игорь, привет! Я готов. Поехали.

— Куда? — удивился Игорь. — Привет, Стасик.

Стас изобразил удивление.

— Что, папа вам не сказал? Он же хотел попросить, чтобы вы подбросили меня до Соснового Бора.

— Нет, не сказал. А почему он сам тебя не подбросил?

— Я долго копался, — невинно отвечал Стас, — а он спешил.

— Точно, спешил, и уже отъехал, — согласился Игорь. — И я бы сейчас уехал, считай, что тебе повезло. Садись.

Он не был удивлен подобной просьбой. Они были соседями, и Аркадий или Света и раньше несколько раз просили его закинуть Стаса в садик, когда он туда еще ходил, или к Зое.

— А к кому ты в Сосновый Бор?

— К Его-ро-вым, — тщательно выговорил Стас чистую правду. — Я буду играть с Алиной, девочкой, которая потялась, знаете?

— А, наша Белая Панамка! Подружился? Молоток! — Игорь с удовольствием разговаривал с малышом, на которого раньше почти не обращал внимания. Ведь скоро он и своего сына вот так будет возить, разговаривать с ним. Кажется, дети его хорошо воспринимают! — А назад тебя Зоя заберет или мама?

Стас неопределенно кивнул. Об этом он как раз старался не думать.

Он предпочитал гордиться собой: как всё ловко получилось! Автобуса пришлось бы сначала долго ждать, потом долго ехать. Прохожие смотрели бы, что он... ну, не совсем большой, один шагает по городу. А сейчас — мимо летят дома и деревья, замаячили сосны. Вот он, Сосновый Бор, он уже у цели!

— Спасибо большое, — говорил, вылезая, воспитанный Стасик. Главное — вежливость.

— Я сейчас папе отзовню по мобильному, что ты доехал, — пообещал Игорь.

— Не надо, — махнул рукой Стас. — У них тут есть телефон, я сам позвоню и папе, и маме. Я номера наизусть знаю, хотите, скажу?

— Ну, ты совсем самостоятельный, — только и ответил Игорь.

Это просто Лермонтов

АЛИНА подолгу не могла заснуть.

Хоть дядя Валентин, оказавшийся не страшным и не сердитым, и рассказывал им с Настей на ночь сказку или что-нибудь читал, она, когда полагалось, из вежливости закрывала глаза, а потом опять открывала и лежала долго-долго, пока сон не приходил.

В первую ночь у этих хороших, добрых, но чужих людей, когда ей, как и просила Настя, разложили раскла-

душку рядом с Настинной кроватью, Алина увидела прямо перед собой окно, а за ним — рассыпанные в темноте огоньки. Настя еще говорила, что ей не страшно засыпать, когда она их видит, они были для нее чем-то вроде ночника.

Но у Алины при виде этих слабых, мерцающих огоньков сердце сжалось от тоски.

Она их уже видела — там, в Москве, когда они приезжали навестить маму, и бабушка сняла комнату переночевать. Занавески на окне не было, по чужим углам бродили непривычные тени, уставшая за день бабушка спала, а на девочку в упор смотрели такие же далекие, холодные огни враждебного мира.

И тогда что-то заняло в груди, это было даже не предчувствие — враждебный мир ясно говорил, что заберет у нее маму, что она, как вот сейчас, будет совсем одна. Алина даже не удивилась, когда на следующий день плачущая бабушка сказала ей, что маму не смогли вылечить. Она ведь уже знала.

И вот они опять на нее смотрят!

Алина не могла в чужом доме встать и задернуть занавеску. И потом, вдруг Настя проснется? Она же боится темноты, Алина обещала ее не выдавать. О том, чтобы попробовать отодвинуть раскладушку подальше от окна, девочка и не думала — она ни за что не стала бы шуметь и своевольничать в чужом доме.

Пытаясь себя убедить, что она уже большая, что бояться нечего, что это просто светятся фонари на улицах и окна домов, где еще не спят, Алина поднялась.

Это просто окна, такие же, как и то, у которого она сейчас стоит. Там, вдалеке, многоэтажные дома, они с бабушкой проезжали мимо них. Почему люди там не спят?

Кто-нибудь дочитывает книжку, как мама, она всегда долго читает по вечерам. А кто-то проверяет тетрадки, как бабушка. Нет, сейчас каникулы, школа не работает. Значит, у кого-нибудь не спит малыш, и ему варят кашу.

А может, кто-то болеет? Сейчас позвонят в «скорую», приедет врач, пообещает вылечить, а потом...

А где-то среди этих огней — окна больницы, в которую увезли бабушку.

Дверь тихонько приоткрылась.

Кошка Мифа?

Неслышно вошла тетя Валя. Алина вздрогнула и замерла. Но Валентина ничего не стала спрашивать, она посмотрела на Настю — та безмятежно спала — и, подойдя к окну, встала рядом с Алиной.

— На новом месте обычно не спится, — шепотом сказала она. — Для меня это тоже новое место. Мы почти месяц на даче, а я никак не привыкну. Особенно когда просыпаюсь — и вдруг вижу вокруг всё другое.

Алина молчала.

— А когда вот так смотрю в окно по вечерам, на рассыпанные огоньки, — продолжала Валентина, — то думаю, что же это мне напоминает. Никак не могла сообразить, и только сегодня догадалась. Сказать?

Алина кивнула.

— *Дрожащие огни печальных деревень*, — торжественно проговорила Валентина. — Есть такие стихи, их написал поэт Лермонтов.

— Я знаю, — кивнула Алина. — Он еще написал про парус. Мне читала бабушка. Она учительница русского языка. Значит, там, за окном — это стихи? — и пододвинулась к раскладушке.

— Точь-в-точь, как у Лермонтова, — убежденно сказала Валентина. — Мне кажется, очень похоже. — Она укрыла девочку и задернула занавеску, но не до конца, пояснив: — Звездочки для Насти.

— Вы знаете? — удивилась Алина.

— Догадываюсь. Я знаю, что Настя воспитывает характер. Непросто быть самой младшей в семье.

«Мне тоже надо воспитывать характер, — подумала Алина, засыпая. — Огни за окном — это просто стихи... Это

Лермонтов».

На следующий вечер ее раскладушка стояла у другой стены. Чтобы из окна не дуло, объяснила Валентина.

Глину достанем!

В ПОНЕДЕЛЬНИК утром доктор Егоров спал так крепко и так сладко, словно впереди было еще два выходных. Очнувшись, он оторопело посмотрел на часы и побежал умываться. Умываясь и бреясь, быстренько оправдал себя: конечно, это чистый белогорский воздух виноват, в Москве такого никогда... почти никогда не случалось.

— Я же тебе оставила будильник, — сказала Валентина, кивнув на раскрытое окно — птицы на ветках так гомонили, что непонятно было, как он умудрялся при этом спать.

А она давно на ногах, отметил Валентин Юрьевич. Кажется, опять занималась своими игрушками, с утра пораньше.

— Получается?

— Еще как, — весело ответила Валентина, намазывая два бутерброда. — Успеешь, успеешь, не беги. Съешь. Эти часы на пять или даже на семь минут вперед уходят.

Муж обрадованно схватил бутерброд. Пять или даже семь минут — царский подарок в понедельник утром. Может, часы не чинить?

А Валентина оживленно рассказывала о том, как здорово, встав всего на час раньше, поработать со свежими силами. Главное, не отвлекает никто, в пять раз больше сделать можно.

А ее мужу в который уже раз стало не по себе при виде ее счастливого лица. Откуда это неприятное ощущение виноватости? Никто не любит чувствовать себя виноватым, и он не любит! А уж он-то вообще герой: дачу какую организовал.

Но сейчас дело не в даче, а в том, что вот такого счастливого лица он, оказывается, давно, очень давно не видел. А считал, что всё в порядке, раз живут себе, не ссорятся, с девчонками управляются. Значит, не всё было в порядке, только он предпочитал этого не замечать. Но ему и в голову не приходило накопать ей глины посреди Москвы! Так ведь и здесь не пришло, она сама накопала.

Значит, не пришло, мысленно развел руками Валентин. Значит, был до глупости наивен, считая, что жена счастлива стиркой, уборкой и творческой работой парикмахера. Что она воплотила себя в детях и успокоилась, а талант и призвание остались лежать на полочке вместе с дипломом.

— О чем задумался? Или опять засыпаешь?

— А днем работать совсем не получается? — вопросом на вопрос ответил муж. — Мне жалко, что ты так рано встаешь. С Панамкой много возни?

— Да нет. Наверное, просто неграмотно распределяю время. А Панамка — славная, вчера как резвилась, помнишь?

— Может, ее уже пустят бабушку навестить?

— Хорошо бы. Конечно, малышка скучает. Тяжело повиснуть между небом и землей, не зная, когда окажешься дома.

— Ну, всё, Валюш, спасибо, я побежал. Не успею на электричку — придется телепортироваться.

— Чай допей.

Валентин Юрьевич торжественно поднял бокал с недопитым чаем и провозгласил:

— *Дивлюсь тебе, гончар, что ты имеешь дух мать глину, бить, давать ей сотни оплеух!*

— А про тебя Хайям сказал, что настоящий врач никогда не ошибается и никогда не опаздывает на работу, — смеясь, ответила Валентина.

— Разве это он сказал? Первую часть я вроде слышал от нашей соседки. Вон она, кстати, идет, с сумками. Уж

не к нам ли? — И уже на бегу советовал: — Валь, нагружай Ксению побольше. У нее каникулы, пусть помогает — и в магазин ходит, и обедом займется, и за девчонками приглядит. Не хватайся за всё сама, а то скоро совсем спать перестанешь. Занимайся своей глиной, сколько нужно, а она пусть себя хозяйкой в доме почувствует. — Хлопнув калиткой: — Здравствуйте, Любовь Сергеевна. Как дочка, как малыш?

— Спасибо, говорят, ничего — и Женя, и Игоревич. Увидеть бы их скорей.

Люба несла две тяжелых сумки.

— Что это вы тащите? — удивилась Валентина. — Надорваться же можно.

— Найдете применение, — уверенно сказала Люба и, зайдя в дом, без всяких церемоний стала выкладывать продукты. — Это в холодильник, это куда хотите, это к чаю.

— Зачем? Для Алины? — догадалась Валентина. — Но нам есть, чем ее кормить, у нас с голоду никто не умирает.

— Вот-вот, как раз чтобы жизнь поддержать! Берите, не выдумывайте. В рабочем порядке. Не от чужих ведь, от меня и от Игоря. Спят еще детки? Конечно, спят, такая рань. Гусятников сегодня проверяет Сосновый Бор, последнее дома, — сообщала Любовь Сергеевна, — раз на Главной улице никакого результата. Я всё думаю, к кому же они шли, наши Колесовы.

— Я тоже, — подхватила Валентина. — По словам Алины, бабушка никогда раньше не говорила об этих загадочных белогорских родственниках. И в обычных разговорах бабушки и мамы она о них не слышала. Я тоже думаю, что же это за родственники такие, о которых никогда не говорят и о которых вспоминают только в крайнем случае. А случай и в самом деле крайний: бабушка, наверное, после смерти дочери совсем была плоха, понимала это, и торопилась найти тех — или того — кто позаботится о девочке.

— Того? — задумчиво переспросила Люба.

— Ну да, — смутилась Валентина. — Вы не подумайте, что я мню себя каким-нибудь шерлоком холмсом. Мне просто кажется, что в ситуации, когда ребенок потерял одного родителя, было бы естественно обратиться ко второму. Даже если раньше он совсем не участвовал в судьбе ребенка. Или начать искать его, если он не жил с семьей. Они с Ниной Александровной, мамой Алины, могли быть в ссоре, или разведены...

— Или никогда не женаты, — закончила Люба. — Отец мог и не знать о существовании дочери. Таких историй сколько угодно. Я полжизни занимаюсь детьми, у которых есть живые, но бессовестные родители. То, что вы предполагаете, похоже на правду, но мы опять-таки ничего по сути не знаем! Может, бабушка уже успела встретиться с этим воображаемым отцом, отправив малышку погулять, а он отказал ей в помощи, тогда-то ей и стало плохо. Или она искала его, но не нашла, и ее подкосила безнадежность. Возможно, он здесь и не живет давно. А может, и никогда не жил, а дал Нине Колесовой выдуманные координаты. Как раз затем, чтобы его никогда не смогли найти. Может быть всё что угодно. Мы занимаемся гаданием на кофейной гуще, от которого мало толку, а не заниматься тоже не можем!

— Не можем, — подтвердила Валентина. — В голове всё время крутится.

— Остается подождать новостей от Гусятникова и надеяться, что бабушка поправится и заговорит. Послушайте, Валентина, не сочтите за любопытство — а о какой это глине говорил Валентин Юрьевич?

Выслушав объяснения, Любовь Сергеевна захотела взглянуть хоть одним глазком, а увидев фигурки — русскую красавицу в кокошнике, мишку с балалайкой, — пришла в восхищение:

— Надо же! Кто бы мог подумать! Настоящая художница рядом с нами живет!

Валентина, испугавшись столь громкого наименования, начала отнекиваться, объясняя, что не занималась глиной столько, сколько лет Ксюше, но Любу было не переубедить.

— Вы просто чудо! Расскажу Андрею — он сразу захочет о вас написать. Как же вы всё успеваете?

— Ах, Люба, да никак.

И пришлось рассказать, уже подробно, как незаметно пронеслись годы, как она совсем начала потухать, и как неожиданный переезд на дачу воскресил былые мечты.

— Вот видите, — беспомощно пошутила Валентина, проговорившая всё это в том числе и самой себе, — в газете писать совершенно нечего. Просто возжусь тут для души. Превращаю профессию в хобби какое-то.

Но соседка остановила ее решительным жестом, и Валентина с изумлением убедилась, что решать чужие проблемы для Любы Ларионовой — не только работа, но и призвание.

— Во-первых, настоящий талант не пропешь и ни в какое хобби не превратишь, — заявила она. — А во-вторых, у нас летом детский дом творчества работает, все кружки, вам там цены не будет. Если захотите, можете заниматься с ребятами пару дней в неделю — и от дачной жизни не сильно оторветесь, и на фрукты детям подработаете, и в себя поверите заодно. А там, глядишь, и выставку вам устроим. А в Москву вернетесь — и там найдете что-нибудь подобное, или еще лучше что-то придумаете. Из подвальчика, конечно, пора выбираться!

Любовь Сергеевна вслух развивала свою мысль, прикидывая, когда, куда и к кому Валентине лучше обратиться. Она пояснила, что раньше работала в школе, и теперь не забывает прежних коллег и прекрасно знает, как обстоят дела с образованием не только в Белогорске, но и во всем районе. Чем с большим вдохновением она говорила, тем с большей надеждой Валентина ее слушала, и на лицо ее возвращалось счастливое выражение. Люба пообещала

сегодня же, вот только навестит Женьку в роддоме, созвониться со своими знакомыми и узнать насчет подработки.

— Может, и у Гусятникова появятся какие-нибудь известия, — сказала она, торопясь уходить, и на прощание добавила: — А с глиной проблем не будет! Здесь недалеко есть кирпичный завод. Там работает один мой бывший жених, за которого я не вышла замуж. Достанем глину!

За всё надо платить

ОКРЫЛЕННАЯ Валентина вернулась в дом. Из кухни доносились детские голоса. Уже поднялись! И как вкусно пахнет какао! Кто же это приготовил? Неужели Ксюша? Ну да, она — кормит девчонок завтраком. Увидела, что мама занята, и проявила инициативу.

«Не буду мешать, — решила Валентина. — Пускай хозяйничает. Валя, кажется, прав — надо давать ей эту возможность. Действительно, уже большая девочка. Может, ей давно хочется что-нибудь самой поделать, на свой вкус. А если я всё время на кухне кручусь, то ей и воткнуться некуда». И потихоньку занялась в прихожей разборкой каких-то вещей. Ощущение, что дети обходятся и без нее, было немного непривычным. Пожалуй, так вдруг свалится целый вагон свободы, и что с ней делать?

— ...Тогда сама постирай, — убеждала Ксюша за дверь. — На белом все пятнышки сразу заметны, и выглядит некрасиво. Вот давай после завтрака, я тебе помогу...

«Это она про панамку, — поняла Валентина. — Неужели согласится?»

Похоже, Алина соглашалась. Она своим тоненьким голоском что-то объясняла Ксюше и Насте. Кажется, помимо того, что это был подарок, сделанный бабушкиными руками, панамка представляла еще одну ценность.

У девочки это была единственная новая вещь. По словам Алины, и платице, и сандалики, и вообще вся одежда достались ей от соседей и знакомых.

— У нас совсем нет денег, чтобы покупать в магазине, — тихонько созналась она, явно стесняясь своих признаний. — Мы много платили за мамины лекарства.

— И у нас мало денег, — рассудительно отвечала ей Настя. Валентина затаилась. — Ну и что? У меня тоже одежда не вся новая, мне много осталось от Ксюши. Младшие донашивают за старшими, и в других семьях тоже. И с соседями в Москве мы меняемся: у них девочка младше меня, и мы им отдаем мои вещички, которые приличные, конечно, а они нам — что-нибудь для Ксюши. Разве одежда главное? Зато у нас остаются деньги на главное, — убежденно продолжала она, — на книжки, например. И еще мы часто ездим куда-нибудь, где интересно.

Далее последовал рассказ о том, как они побывали в старинной усадьбе неподалеку от дачи. У Валентины отлегло от сердца.

Слышно было, что Алина успокоилась. Ксюша встала, что тем более надо привести в порядок панамку, если она ее так любит, и они дружно прошествовали в ванную. Валентина, чтобы не спугнуть их, осталась в прихожей.

В дверь постучали, она отворила. На пороге стоял вчерашний малыш Стасик, поклонник Алины.

— Здравствуйте. Я к Алине, — сказал он немного напряженным голосом.

— Здравствуй, Стасик, — ответила Валентина, давая ему войти, и выглянула на крыльцо — она ожидала увидеть там Зою. Но Зои не было. — Ты что же, один? Тебя одного к нам отпустили? — не могла она поверить.

Стас молчал. Вся радость от удачного путешествия улетучилась. С дядей Игорем было проще, тот сразу всему верил, а тут он боялся сказать что-нибудь не то. Уж очень внимательно глядит на него тетя Валя, как будто сама всё знает. Тогда он начал с главного. Снял рюкзачок, достал

копилку.

— Это вам.

Валентина глядела на него непонимающе.

— За Алину, — пояснил Стас. — Вы о ней заботились. Теперь я буду сам. Я за ней.

— Как за ней? — Наверное, она действительно слишком рано поднялась и поэтому с трудом соображает. — И куда же ты собрался?

Мальчик молчал.

— А мама знает, что ты здесь?

Опять нет ответа.

Тетя Валя не обрадовалась копилке, подумал Стас. Надо срочно придумывать что-то другое.

Малыш, кажется, сбежал, подумала Валентина. Надо срочно сообщить его родителям.

Только как это сделать? Ксюша может знать Зоин телефон. Надо спросить ее потихоньку, чтобы Стасик не обратил внимания. Кажется, в их доме скоро соберутся все потерявшиеся, заблудившиеся и сбежавшие. Только бы не спугнуть ребенка. Он сам боится собственной смелости, вдруг как припустит — еще догонять придется.

— Проходи в комнату, Стасик, — Валентина старалась говорить как ни в чем не бывало. — Не волнуйся, я позову Алину, и ты нам всё расскажешь. А хрюшку свою возьми, а то забудешь.

— Мне нужно быть с Алиной, — объяснил Стас. — Вдруг ее куда-нибудь увезут.

— Алина занята, она стирает свою панамку, — сообщила Настя, подходя к ним. — Сейчас они с Ксюшей придут. Какая у тебя свинка смешная!

— Это вам, — твердо сказал Стас, ставя копилку на стол. — Возьмите. За Алину.

Ничего тут другого не придумаешь, у него больше ничего нет.

— Как за Алину? — удивилась Настя, побренчала свиной и убедилась, что она полна монеток.

— Там не только железные денежки, — пояснил Стас. — Там и бумажные есть, и один доллар, и один еврик.

— Мам, он хочет у нас купить Алину? За деньги? Как в «Хижине дяди Тома»? Мы такую книжку читали, — снисходительно объяснила она малышу. — Такое сто лет назад было. Или двести. Ты просто маленький и не понимаешь.

— Нет, Стасик не это имел в виду, — мягко сказала Валентина. — Он благодарен нам за то, что Алина у нас живет, и решил отдать самое дорогое, что у него есть. Потому что она очень ему нравится. Так, Стасик?

Стас кивнул. Кажется, здесь его понимают.

— А-а, — протянула Настя.

— Всем нравится Алина, все хотят ей помочь, — продолжала Валентина. — Тетя Люба из соседнего дома принесла сегодня для нее много вкусных вещей. Так что видишь, у Алины всё уже есть, и еда, и одежда, и ты спокойно можешь оставить хрюшку у себя. Она тебе самому пригодится.

— Всё равно, вы ей сказки читали, играли с ней, — не сдавался упрямец.

— За это деньги не берут, — удивилась Валентина.

— Берут, — возразил Стас. — Папа всегда дает деньги Зойке, когда она со мной сидит. Он говорит, что за всё надо платить.

Валентина растерялась. А Стас вдруг вспомнил, что последний раз Зойка не взяла денег и сказала, что он любимый. И Егоровы не берут. Что бы это значило?

— Вы любите Алину? — подозрительно спросил мальчик. — Может, вы хотите, чтобы она осталась у вас?

— Я бы очень хотела! — обрадовалась Настя.

И тут вошла Алина — без панамки. Темные волнистые волосы красиво обрамляли ее худенькое личико.

— Стасик! Ты пришел играть? — обрадовалась она, потом обвела взглядом лица всех, кто был в комнате, и тревожно спросила: — Что-то случилось? Ты один? Ты тоже потерялся?

— Я пришел к тебе, — заявил Стас. — Потому что я хочу, чтобы ты жила у нас, а они не хотят.

— Кто они?

— Папа и мама. Они сказали, что мы не будем это обсуждать.

— И ты сбежал? — догадалась Алина. — Стасик, это очень плохо. Я не хочу, чтобы тебя ругали!

— Всё равно, — дрогнувшим голосом проговорил он.

Валентина в это время шепталась с Ксюшей. Та исчезла и через несколько минут появилась.

— Зои дома нет, — негромко сказала она матери. — Там вообще трубку не берут. Наверное, она уже ушла на почту, а ее родители — на работу.

— А если позвонить на почту?

— Я позвонила. Сказали, что все почтальоны разошлись по участкам.

— А мобильного у Зои нет?

— Не знаю. Может, и есть, но у меня записан только домашний номер.

— Как же найти его родителей? В милицию? К Гусятникову? К Любе Ларионовой? — перебирала Валентина возможные варианты.

В такую минуту — о велосипедике

АРКАДИЙ Королёв не сразу понял, о чем кричит ему Света по телефону. Света, которая вообще никогда не кричит. Она упорно спрашивала что-то про милицию — надо туда звонить или не надо. Речь шла о Стасике, который, конечно же, обиделся и теперь ее дурачит, куда-то спрятался и не выходит. Сказав, что не надо милиции, Аркадий сам поехал домой. Он не мог поверить, что случилось что-то серьезное. Куда может деться пятилетний карапуз, похожий на медвежонка, из детской комнаты

с игрушками?

Но облазив всю свою немаленькую квартиру, Королёв растерялся. Он был просто уверен, что, услышав его голос, затаившийся где-нибудь в кладовке Стас тут же вылезет, и он, великодушно улыбаясь Свете, разведет руками: вот и всё. И весь фокус. И даже наказывать малыша они не будут, он слишком переволновался сегодня. Защитная реакция.

А что теперь?

Света, всегда державшая себя в руках, сейчас беспомощно сидела, сцепив пальцы и глядя на него огромными от ужаса глазами, и, кажется, была неспособна выстроить, как всегда, логическую цепочку с началом и концом и точными способами, что делать.

— В милицию? — в который раз повторила она. — Мы же теряем время.

Аркадий соображал. В голове проносились киношные сюжеты об украденных детях.

— Ты совсем ничего не слышала? Никто не мог зайти в квартиру? — еще раз спросил он. — Когда ты видела его последний раз?

— Я не знаю! Когда ты уходил, утром! А потом он пошел к себе, и я его не трогала, думала, он так лучше успокоится. Я часа два работала, он, может, уже давно исчез, а может, только сейчас. Но я ничего, ничего не слышала! Всё время было тихо и спокойно!

— Ладно, не плачь. Давай еще раз посмотрим в его комнате.

— Его там нет. Лучше все-таки уже звонить в милицию.

— Подожди. — Аркадий внимательно осматривал детскую. — Посмотри как следует, всё здесь на местах? Свет, это важно. Ты же лучше знаешь его вещи.

— Да нет же, ничего не пропало! — Свете казалось, что муж продолжает терять время и не хочет взять в толк, что ребенок действительно исчез. — Я уже смотрела. При чем тут вещи! Нет только Стасика! Постой... — Она подошла

к приоткрытому шкафу. — Аркаш, его рюкзак. В виде обезьяны. Он здесь всегда висел. Может, свалился? Нет рюкзака. Гляди, копилки тоже нет! Она вот тут стояла у него, на почетном месте.

— Примерно об этом я и подумал, — облегченно вздохнул Аркадий. — Копилка и рюкзак. Мальбрук в поход собрался.

Света продолжала смотреть на него безумными непонимающими глазами, и он пояснил:

— Свет, никто его не украл. Он сам сбежал. К той своей девочке. — Уточнил на всякий случай: — А дверь он смог бы отпереть?

Света пожала плечами.

— Конечно. Я его специально тренировала. Мы же с тобой обсуждали, что если не дай бог пожар, он должен суметь выбраться из квартиры.

— Всё. Поехали. Звони Зое. Она скажет, где его искать.

— Но Зоя сейчас на работе! Я не знаю, где она разносит почту! Еще ее найти нужно!

— Найдем всех, — уверил Аркадий, запирая дверь.

Света смотрела на мужа с надеждой. Удивительно, как ему удается держать себя в руках. Вот у нее руки трясутся и ноги еле слушаются. Проснуться бы, как от дурного сна!

Зоя уже заканчивала разносить почту, сегодняшнюю и оставшуюся с пропущенной субботы. В больших домах с домофонами ее узнавали и, услышав «почта!», открывали без дополнительных вопросов, как еще месяц назад. Солнышко сегодня извинялось за испорченные выходные, весело припекая и обещая хороший пляжный день. Последний дом — и вперед, на озеро. За Ксюшей можно будет забежать. Она бодро шагала с полегчавшей сумкой, когда рядом с шумом остановилась темно-синяя королёвская БМВ.

— Зоя, скорее садись! — Из окна выглядывало испуганное лицо Светы. — Стасик пропал.

Выслушивая историю, Зоя хотела гордо вставить насчет

того, что у нее-то ребенок ни разу не пропал, не сбежал, не утонул — но пожалела сестру и не стала злорадствовать. Потом все-таки не удержалась:

— Нельзя от вас уйти, сразу что-то случается! — И, понаблюдав, как Аркашка это «съел», тут же его поддержала: — Конечно, Стасик у Алины. Не плачь, Светка, он стопудово жив и здоров! Сейчас сама убедишься без всякой милиции. Просто вы приучили королевича, что ему всё можно и что он везде первый — и вот результат. Побегал за запретным плодом.

— Чего приучили! — вспыхнул Аркадий. — Чего плохого — быть первым?

— Тебе — ничего, больше денег заработаешь, — невозмутимо ответила Зоя. — А ребенку это искажает систему ценностей. Я читала «Семью и школу», ее одни там выписывают, на моем участке. И я почитала, прежде чем в ящик совать. Ребенок начинает ощущать себя центром вселенной, которому всё должно принадлежать, в том числе живые люди — девочки, чтобы играть, и родители, чтобы выполнять капризы, — съязвила она.

— Молчи и показывай дорогу, — приказал Аркадий.

— Жестами, что ли? — насмешливо спросила Зойка. — Теперь налево. И тогда из него посмешище сделал, с велосипедиками! — не унималась она.

Прошлым летом, на Дне города, для детей проводили игры и соревнования, а Королёв был спонсором. Стасик тогда победил в «гонках» на трехколесных велосипедах, его объявили самым молодым чемпионом Белогорска, и больше всех был счастлив и горд отец. До такой степени, что спустя время организовал еще одни соревнования, чтобы сын опять стал чемпионом. И он, конечно, стал.

Зоя слышала, как ухмылялись зрители, считавшие, что все победы подстроены. Она тогда горячилась, изо всех сил доказывая Королёву, что не стоит создавать мальчишке искусственные условия для «побед», что, столкнувшись с суровой реальностью, он может просто не понять, почему

не побеждает, как обычно. А Аркадий кипятился — и сейчас точно так же, как тогда:

— Он честно победил в гонках! Я тебе сто раз говорил! И надо обязательно давать детям возможность проявить себя, потому что побеждать надо учиться! И, я считаю, с самых малых лет! Только тогда человек успешно пойдет по жизни!

— ...плюя на собственных родителей и стараясь добиться своего любой ценой, — завершила Зоя.

Вконец разъяренный Аркадий уже открыл рот, когда прозвучал голос плачущей Светы:

— Как вы можете! О каких-то велосипедиках — в такую минуту!

Муж и сестра замолчали.

— Вот здесь, не доезжая до раздвоенной сосны, рядом с Ларионовыми, — мрачно проговорила Зоя, вдруг представив, как они будут жить дальше, если сейчас зайдут в этот дом и окажется, что Стаса там нет.

О том же самом, судя по выражениям лиц, подумали и остальные.

Зоя выскочила из машины, едва та остановилась, и без всяких слов помчалась по дорожке, перескакивая через клумбу с осыпающимися пионами, и через ступеньки. Она ворвалась в дом, пробежала по комнатам и, увидев Стасика, схватила его в охапку:

— Королевич! Живой!

Отпустила и тут же понеслась назад, крича своим с крыльца:

— Он здесь! Он здесь!

Меня одурачили?

ЛЮБА Ларионова гладила детские вещички — трогательные, кукольные, со швами наружу. Как и договаривались с Женей — ничего заранее не покупать, и только когда радостное событие произойдет и будет известно, что с малышом всё в порядке, купить самое необходимое на первое время. В чем из роддома вынести и первые недели провести. А там молодая мама сама докупит, сама выберет — это же такое удовольствие, даже просто в руках подержать все эти распашонки, пеленки, чепчики.

Выбор сейчас, слава богу, хороший. И ведь какое всё красивое делают, с какими рисунками, цвета какие нежные! Это раньше приходилось хватать, что «выбрасывали», и еще радоваться, что удалось схватить. И суеверия насчет того, чтобы заранее не покупать, сложно было соблюсти. Какие уж там суеверия. За полгода до рождения Женьки Люба сумела запасть роскошными фланелевыми пеленками. Правда, по их нежно-голубому фону были рассыпаны крошечные тракторы, машинки и паровозы. Так дочка в паровозиках и выросла! Трактористка.

И утюг был новый, легонький, со скользящей подошвой. Это они с Андреем решили сделать Женьке и Игорю такой подарок — уж точно пригодится, особенно в первый месяц, когда придется всё проглаживать, да еще с двух сторон. Сегодня она как раз решила проверить будущий подарок на приданом новорожденного Игоревича. Имя пока оставалось под вопросом, всё равно без Жени не решить, хоть они с Игорем и перелистали целый справочник.

Люба терпеть не могла гладить. Уж лучше мыть полы. Дальше по ее личной иерархии шло протираание стекол и зеркал, потом — мытье посуды, потом — стирка, а уж в самом конце — глажка. Но новенький утюг был чудесный, она работала с удовольствием и сама этому удивлялась. Наверное, хорош утюг, просто пляшущий в руках. Надо

себе завести такой же. А может, дело не в уютке, а в этих цыплячьих распашонках. А может, в том, что она чувствует себя на двадцать лет моложе, словно это она, а не дочка, молодая мама, у которой душа поет и всё впереди.

В окно было видно, что соседская девочка Ксюша топчется у их калитки, не зная, как войти. Люба предусмотрительно выключила подарочный уют и побежала открывать. Вид у девочки был встревоженный.

— Что-то с Панамкой?

— Нет, но мама послала меня к вам, мы не знаем, что делать.

Выслушав рассказ о Стасике, Люба ахнула:

— Ну и ну! Вот это кавалер! Ай да наша Алина, — пошутила она. — И кого свела с ума — первого жениха в Белогорске. Королёв — владелец кучи магазинов и кафе, — пояснила она удивленной Ксюше. — Наш Игорь арендует у него зал в «Пескарях», под свои компьютеры. Ты ведь была в «Трех пескарях»? Сейчас позвоню Игорю, он подскажет, как связаться с Королёвыми. Они небось уже милицию на ноги подняли. Шутка ли — в пять лет да через весь город, — продолжала удивляться Люба, набирая номер зятя.

Когда она сообщила Игорю о том, что Стасик Королёв убежал из дома и надо срочно сообщить его родителям, что он сейчас у Егоровых, тот рассмеялся:

— Вы что-то напутали. Я в курсе, что он у ваших соседей, я сам его к ним утром отвез.

— Как сам отвез? — изумилась Люба.

— Аркадий попросил подвезти, я и подвез.

— Аркадий?!

— Ну, так Стасик сказал.

— Ах, Стасик сказал, — начала понимать Люба.

— Ну и что? Я его часто куда-нибудь подбрасываю. Вы что, Любовь Сергеевна, хотите сказать...

— Ты хотя бы отзвонил потом Аркадию или его жене? Сообщил, что мальчишка с тобой уехал, и куда именно?

— Зачем? Я собирался, но Стасик сказал, что сам позвонит им из того дома, где будет играть.

— Опять Стасик сказал!

— Любовь Сергеевна, да вы к чему клоните? Не хотите же вы сказать, что меня одурачил пятилетний мальчишка!

— К тому, что он сбежал! К тому, что его родители сейчас с ума сходят! Игорь, ты же взрослый человек! По крайней мере, я до сих пор так думала. Срочно звони Королёвым! Нет, не звони, — она поглядела в окно. — Вот уже их машина сюда подъезжает. Сами нашли. Молодец, Аркадий. Я бы на его месте просто остолбенела — и всё, и ничего сделать бы не могла. Пойдем, Ксюш, как бы там не грянули гром и молнии.

Никому не позволю!

ГРОМ и молнии не грянули. Света уже успокоилась. Увидев сына живым и здоровым, она поняла, насколько всё остальное по сравнению с этим ничтожно, и к ней вернулась ее рассудительность и замечательная способность упрощать проблемы до нуля. Она извинилась перед Валентиной за беспокойство, которое доставил ее отпрыск, и потянула его за руку:

— Пойдем, Стасик, дома обо всем поговорим.

Но, к ее удивлению, сын не двинулся с места. Наоборот, он вырвался, отбежал в самый дальний угол и взял за руку стоявшую там тоненькую темноволосую девочку.

— Я без Алины никуда не пойду.

Света беспомощно оглянулась на мужа, и в эту минуту в комнату вошли Ксюша и Любовь Сергеевна.

— Ну что, уже познакомились? — весело спросила Люба. — Вот вы и встретились! — И, заметив смущение Светы и Аркадия, сама представила их: — Не успели? Или

думаете, что все вас сами знать должны? Валентина, это Королёвы, Светлана Станиславовна и Аркадий Анатольевич. Аркадий вырос здесь, на нашей улице, а теперь большой человек. А это Валентина Дмитриевна Егорова, дачница и наша новая соседка.

— Ну, зачем же так церемонно, — проговорил Аркадий, дружелюбно протягивая Валентине руку. — Просто Аркадий и Света. Мы бы и сами представились. Да вот растерялись, рта не успели раскрыть. Не думали, что сын так рано уйдет от нас в большую жизнь, — он подмигнул нахмуренному Стасу.

— Кажется, твой папа добрый, — прошептала Стасику Алина. — Кажется, он не будет тебя ругать.

— Он разный, — ответил Стас. — В гостях-то, конечно, не будет.

— Стас очень самостоятельный, — подтвердила Валентина, — и очень развитый для своих лет. Я еще на пляже обратила внимание, когда он целый город из песка построил, с таким знанием дела, и еще девчонок научил. Потому он, возможно, и бунтует — требует, чтобы с ним больше не обращались, как с малышом. Кстати, мои девочки: Ксения, старшая, и младшая Настя. А рядом со Стасом — Алина, наша гостья, можете познакомиться.

Аркадий и Света со смешанными чувствами смотрели на девочку, которая была причиной всех последних неприятностей. Подспудно они ожидали увидеть этакого нахаленка, маленькую заводилу, подучившую Стасика не слушаться родителей. Но перед ними было безобидное, робкое создание, очень худенькое, очень бледненькое, с испуганными печальными глазами в пол-лица.

— Какое заморенное дитя, — шепнула Света мужу.

Стас в углу напружинился и приготовился к обороне, еще крепче сжав руку подружки.

— Давайте вот что, — решительно сказала Люба. — Пусть дети пока пойдут наверх. Я знаю, что там есть какая-то чудесная комната игрушек. Ксюша, Зоя, найдите им

занятие. А мы, взрослые, здесь потолкуем. Нам есть что друг другу сказать.

— Пойдем, Стасик, — подтолкнула малыша Алина. — Не надо их сердить.

Стасик безропотно пошел, он готов был слушаться, пока их не разлучают.

Валентина, к которой незваные гости сваливались последнее время с невиданным постоянством, растерянно предложила чаю. Но Люба отрезала:

— Спасибо, никаких чаев. Почаевничаем когда-нибудь после, когда решим проблемы. Вам и так досталось в последние дни. Еще, чего доброго, назад в Москву удерете, скажете, никакого покоя на этой даче. Вот что, милые мои, — повернулась она к Королёвым. — Раз уж и вы во всё это втянулись, то и вас это касается.

Она коротко изложила историю Алины Колесовой, включая неудачные поиски ее родных, и завершила очень жестко:

— Я понимаю, что вам со своим сынишкой хлопот полон рот и вы жутко за него переволновались. Но девочка в этой ситуации не то что не должна пострадать — ее нельзя даже просто огорчить или потревожить. У нее только что схоронили мать, бабушка четвертый день в больнице в себя не приходит, родственников никаких не можем найти ни в Можайске, ни здесь, и неизвестно, как дальше ее жизнь сложится. Детский дом впереди маячит! Я представляю ее интересы и заявляю вам, что никому не позволю даже просто испортить ей настроение!

— Люба, Люба, не так агрессивно! Мы против девочки ничего не имеем, как ты могла подумать, — Света переглянулась с мужем. — Наоборот, мы с Аркадием хотели бы пригласить ее к нам в гости. И Настю, и Ксюшу, если они захотят. Мы были очень рады узнать, что Стасик нашел себе друзей. Не подумайте, что мы потакаем сыну, но если он так трагически воспринимает разлуку с девочкой, не стоит, наверное, их сейчас разлучать. Пусть поиграют

до вечера. — Она перевела взгляд на Валентину. — А вы не против?

— А что потом? — спросила Валентина. — Стас, кажется, намерен никогда с ней не расставаться.

— Мы все вопросы одним махом не решим, — вступил в разговор Аркадий. — Насколько я понял, сейчас всё зависит от состояния здоровья бабушки. Но ее ведь не выпишывают сию минуту, и Алина не должна уезжать в свой Можайск прямо сейчас. В самом деле, пусть дети поиграют у нас до вечера. Мы на машине, отвезем их и привезем назад, когда вы скажете.

Люба сдалась. Пожалуй, это самое разумное.

Света заметила копилку Стасика, стоящую на столе.

— Он пытался мне ее отдать, — объяснила Валентина. — Это залог его серьезных намерений.

Когда детям сообщили о том, что они могут сейчас поехать к Королёвым, Стас попытался прояснить ситуацию.

— А ты останешься у нас насовсем? — спросил он Алину.

Девочка покачала головой:

— Когда бабушка поправится, она скажет, что будет дальше. Мы или поедem домой, или будем дальше искать наших родственников. А к тебе я сейчас поеду в гости. Это далеко? Пешком или на автобусе?

— Мы поедem на нашей машине! Знаешь, как здорово! Вон она стоит, видишь? Пойдем скорее!

Стас побежал к машине. Там стояли Игорь с Аркадием, которому Игорь растерянно что-то объяснял.

— Ладно, — смеялся Аркадий, — будем считать, что ты прошел школу молодого отца.

Уже усаживаясь в машину, Алина о чем-то вспомнила, выскочила, побежала к площадке за домом, где Валентина развешивала выстиранное белье, и вернулась со своей еще влажной панамкой, натягивая ее на голову.

Они похожи

АРКАДИЙ, все-таки сумевший в этот не задавшийся понедельник выбраться на работу, возвращался вечером домой с полными руками всяких вкусностей. Должно быть, гости еще у них, самое время их покормить. Света вряд ли могла заняться едой, когда в доме такая компания. И полу-годовой отчет, за который она сегодня собиралась приняться, разумеется, не начат. Это называется — всё кувырком.

Но радости от предвкушения, как дети будут уплетать конфеты и фрукты, совсем не было, хотя Аркадий очень любил смотреть на мордочку сына в такие минуты.

Откуда взялась эта тяжесть на душе? Ну, поволновались за Стаса. Но история завершилась благополучно, и всё должно было как рукой снять — как обычно. Он всегда гордился своей стрессоустойчивостью. Нет, что-то зацепило. Аркадий весь день отмахивался от этого ощущения.

Но вот сейчас он войдет к себе домой и опять ее увидит.

Да, эта девочка. Алина Колесова. Всё сходится — и имя, и фамилия, и возраст, и Можайск.

Восемь лет назад Аркадий, тогда еще студент, был там на практике. «Мне так нравится имя Алина, — говорила обаятельная медсестра Ниночка, — если у меня когда-нибудь будет дочка, я только так ее и назову».

Он здорово поранил ногу — наступил на корягу, когда купался. Несколько дней хромал, и оказавшая ему первую помощь Нина, заботливая, ненавязчивая, всё время была рядом. А потом всё время была рядом, когда он уже и не хромал. С ней было легко, спокойно. Замечательный характер — всегда в духе, никогда не капризничала, не надувалась, не становилась в позу, даже не кокетничала. Умела быть необходимой, не подавляя и не занимая собой всего пространства.

Нина Колесова была очень похожа на Свету, даже

внешне. Может быть, именно это его и притянуло. Большому Аркадию всегда нравились дюймовочки. Хрупкие женщины с сильным характером.

Со Светой тогда что-то незаметно разладилось. Наверное, виной тому был он сам, точнее, его самолюбие. Всё казалось, что ее родители, считающие его ничтожеством, в конце концов и ее убедят в этом. А она такая мягкая, она долго не выдержит и сломается. Ведь они так и не поженились тогда, хоть он и убеждал ее не отступать от их плана. Как-то всё скомкалось, ушло в неопределенность. Почему Света не поехала с ним на практику? Значит, были все-таки колебания? А ведь окажись они в Можайске вместе, никакая Нина просто не возникла бы в поле зрения.

Но она возникла и заполнила пустоту. Редкая девушка — не требовала никаких обязательств, и простились они мирно, без сцен. Может, так проявилось ее самолюбие? Которое, значит, все-таки было. Тогда он над этим не задумывался.

Почему же потом она его не разыскала? Не сообщила о ребенке? Аркадий уже не сомневался, что Алина — его дочь. Слишком много совпадений. Опять самолюбие? Не хотела навязываться? Но ведь она не вышла замуж, и последние годы была серьезно больна, и жили они очень бедно, судя по рассказу Любы Ларионовой и по виду самой девочки. Теперь уже не узнать. Он давно забыл о Нине Колесовой, как будто бы ее и нет — и вот ее действительно нет.

Откуда все-таки эта тяжесть на сердце? Не оттого ли, что сейчас весь Белогорск, включая Светиных родителей, заговорит о том, что это его разыскивала пожилая женщина с ребенком, о которой написано во всех газетах, и о том, что у него есть внебрачная дочь? И прежде всего оттого, что об этом узнает сама Света?

О том, как придется с ней объясняться, уж лучше пока не думать. Сегодня, когда пропал Стас, он уже убедился в том, что ее реакция может быть непредсказуемой. Стоит

только вспомнить рыдания и сумасшедшие глаза — рыдания и сумасшедшие глаза всегда уравновешенной, разумной, рациональной Светы. Никого нельзя знать до конца, даже самых близких.

Но угнетало тем не менее не это. Аркадий пытался нащупать нить и не мог.

Необходимость помочь девочке? Конечно, нет, он и раньше бы это сделал, как только бы узнал.

Сама девочка — как к ней подступиться? Опять не то. Есть что-то более тяжелое.

Копаться в мыслях было некогда — он уже звонил в квартиру, и Света уже открывала дверь.

— Ну что? — вопрос с порога.

— Замечательно, — отозвалась Света, забирая пакеты с едой. — Поиграли, наскакались, набегались, сейчас сидят мультики смотрят.

— Значит, угощение кстати, пускай жуют.

Аркадий из кухни смотрел на детей: Настя и Стасик, увлеченные происходящим на экране, не отрывали от него глаз и, почти не глядя, хватали конфеты и фрукты и отправляли в рот. Алина же брала конфеты двумя тоненькими пальчиками и сначала внимательно рассматривала, а фантики аккуратно расправляла и складывала стопочкой. Понятно было, что лакомства не часто ей доставались.

— Прямо сердце сжимается, — шепнула Света. — Я сразу вспомнила нашу бедность, как мама и папа нам с Зойкой на праздник банан пополам делили. И представляешь, я ела, большая дура, нет, чтоб малышке отдать. А знаешь, как хотелось!

— Что ты вспомнила? — переспросил Аркадий.

— Ну, нашу бедность. Пятнадцать, десять лет назад, начало девяностых.

Где-то рядом! Мысль продолжала работать независимо от внешних событий, но опять вхолостую.

В комнате раздался дружный детский хохот. Аркадий

перевел глаза на малышей: перед ним были две совершенно одинаковые улыбки Алины и Стасика.

— Они сейчас так похожи, — удивленно заметила Света.

Забегала Зоя:

— Я возьму «Вокруг света»? — Схватила журнал с холодильника, разворошив «кучу Плюшкина», увидела конверт: — Ой, Аркаш. Тебе ж письмо, я еще в пятницу принесла, ты что, не видел? Вон лежит. А вы еще и завалили сверху!

— Сейчас посмотрю.

— А Ксюша уже домой собирается. Я тоже побегу. Вы меня увезли, и я в одном доме почту не раскидала. Небось уже звонили жаловались. Как по-вашему, Стас Алину отпустит? Не закатит истерику?

— Я только об этом и думаю, — призналась Света.

Но истерики не случилось. Ксюша позвонила домой сказать, что они выходят, и оказалось, что Любовь Сергеевна только что сообщила хорошую новость.

— Алина, твоей бабушке стало лучше! Ты даже можешь ее навестить. Правда, ей пока трудно разговаривать, но ты можешь рядом с ней посидеть.

— Я сейчас пойду к бабушке, — сказала Алина Стасику. — А потом ночевать к тете Вале. А ты оставайся дома. Мы хорошо сегодня поиграли. Если разрешат, завтра опять увидимся.

Стасик согласно кивнул. Взрослые переглянулись.

— Нас бы он так слушался, — вытаращив глаза, зашептала сестре Зоя.

— Я отвезу девочек в больницу, — предложила Света, — а потом домой. Аркадий, останься со Стасом.

Аркадий держал в руках конверт, на котором крупным, красивым учительским почерком была написана его фамилия.

Вы чего обнимаетесь?

СТАСИК его не тревожил — наверное, все-таки боялся получить нагоняй за утреннюю «самоволку». У Аркадия было достаточно времени, чтобы вскрыть конверт без адреса, прочитать письмо и убедиться, что оно предназначено действительно ему.

Писала Антонина Ивановна Колесова, мать Нины. Красивым, как в прописи, почерком, очень сдержанно, в нескольких фразах она сообщала о том, что ему и так уже стало сегодня известно, о печальных обстоятельствах, о том, что Нина никогда не хотела обременять его просьбами, но теперь об Алине, его дочери, кроме бабушки, заботиться некому. Близких родственников у них нет. А у Антонины Ивановны гипертония, и она сомневается, сможет ли и дальше работать в школе. Если здоровье подведет, придется им вдвоем жить на ее небольшую пенсию. Это бы ладно, но она боится, как бы девочка неожиданно не оказалась совсем одна. Будет рада любой помощи.

Аркадий посмотрел на штемпель. Отправлено давно. Наверное, провалялось на почте, потому что улица и дом не указаны. Когда Зойка его принесла? Она говорила что-то про пятницу. Да, они тогда отдыхать уезжали. Если хотя бы в тот же день прочитать это письмо! Тогда и объявление в газете было бы понятно, и можно было бы сразу отреагировать.

Не получив ответа, Антонина Ивановна сама отправилась в путь. Она могла знать об Аркадии только со слов Нины, а Нина, стало быть, упоминала лишь имя, фамилию, город и улицу, где он жил сто лет назад. Немного! Там, в Сосновом Бору, они и блуждали в поисках. И случилось худшее — здоровье бабушку всё же подвело, а девочка, похоже, и имени его не знает. Если бы не чистая случайность, если бы не Стас... Стало не по себе от мысли, что он мог и на этот раз разминуться с Алиной.

Теперь всё расставилось по местам. Вот что угнетало весь день — он обиделся на Нину. Только и всего. Как же глупо это звучит. Не на то, что она родила от него дочь и не сообщила об этом, и не на то, что девочка свалилась на него как снег на голову.

Нина никогда ни о чем не собиралась его просить. Это Алинина бабушка просит в письме о помощи, а Нине его помощь не нужна была даже в крайних обстоятельствах. Аркадий сам не ожидал, что будет так уязвлен. Что же он такое был в ее глазах? Что должна о нем думать ее мать? И девочка, когда она подрастет?

Стало быть, он получается просто хлыщ и ничтожество, от которого нечего ждать и на которого нельзя положиться?

Где-то он это уже слышал. Подобное с ним уже было, давным-давно.

Аркадий Королёв никогда не страдал ностальгией по ушедшей юности. В отличие от многих, он ее не любил и старался не вспоминать. Время, когда он уже был самим собой, таким же, как он теперешний, и в то же время ничего еще из себя не представлял, ничего не мог себе позволить, не мог обеспечить не только своих близких, но даже себя, и ему плевали за это в лицо. «Наша бедность»! Нищий студент!

Он всё время мчался вперед, стараясь обогнать самого себя и непременно прыгнуть выше головы. И впервые ощутил себя адекватно, когда уже прыгнул и прыжок удался — сейчас, в тридцать лет, и он, уверенный в себе, успешный, любимый, счастливый, мог уже никуда гнаться, а твердо и спокойно шагать по жизни. Да, ему уютно в своих тридцати, и он с неприязнью и почти отвращением вспоминает свои двадцать, «нашу бедность».

И вдруг оказалось, что прошлое не прошло, мало того — приволокло эту самую бедность за собой. Ту, в которой все эти годы жила его дочь! Их он уже не сможет ни переделывать, ни вычеркнуть.

И, как прежде, в него опять не верили!

Добивало именно это.

Ну вот, подвел итоги. Непобедимая бедность и ничтожество в чужих глазах.

Так его и застала вернувшаяся Света. Аркадий спохватился. Дитя малое! Обиделся! О деле надо было думать, о том, как теперь быть с дочерью и что сказать жене.

— Проводила, — рассказывала ему Света, кладя ключи от машины на неизменный холодильник. — Бабушка Алины пока как растение, но главное, что кризис миновал, и она будет жить. Конечно, после такого инсульта не ей за девочкой, а за ней бы надо ухаживать. А может, и ничего, обойдется, старшее поколение закаленное, еще крепче нас будет. Ты чего молчишь? — Она присела рядом и пристально посмотрела на мужа. — О чем думаешь? Об Алине? Она твоя дочь?

От этого зоркого ока ничто не могло укрыться. Света сама обо всем догадалась.

Аркадий молча протянул ей письмо. Света быстро пробежала его, потом прочитала еще раз, потом еще, не спеша и внимательно.

— У меня один вопрос, — сказала она. — Это было еще до того, как мы поженились. Вы с тех пор не виделись? С Ниной Александровной Колесовой из Можайска?

Аркадий покачал головой.

— А ты пытался что-нибудь сделать для девочки?

— Я о ней не знал.

Света помолчала, осмысливая свалившуюся на нее информацию, болезненно поморщилась. Ничего не скажешь, редкий понедельник. Хоть он и должен быть по традиции тяжелым, но не настолько же. Оба ее мужчины нашли, чем удивить. Но еще был очень свеж «урок дня»: дорогие люди живы, здоровы и рядом с ней, и это главное. При таком раскладе можно справиться практически с любой проблемой. А упростить ее и найти правильное и выполнимое решение — это уже ее задача, с которой

лучше Светы никто не справится. И, кажется, если она сейчас ее одолеет, многое в будущем покажется рядом с ней пустяком.

— Да, важнее всего — определить, что главное, — проговорила она сама себе, но вслух. Аркадий вопросительно поднял глаза. — А главное — в настоящем, потому что прошлое не переделаешь. — Она уже обращалась к нему. — Главное сейчас — как быть с девочкой. Мы — единственные, кто несет за нее ответственность после Антонины Ивановны.

Аркадию достаточно было услышать это «мы», чтобы понять — Алина не будет отвергнута, и он тоже. Сердце само по себе подпрыгнуло, но всю свою благодарность он смог выразить только взглядом, все слова куда-то ушли. Впрочем, говорила Света, умевшая отключиться от эмоций, и говорила по делу.

— ...По-моему, невозможно дальше пользоваться гостеприимством дачников. Алина ехала к нам и, значит, должна оставаться у нас, — рассуждала она. — По крайней мере, до выздоровления Антонины Ивановны. Надо сегодня же переговорить об этом с Любой Ларионовой. И посоветоваться, что и как мы скажем девочке, да? Предлагаешь, как Стас будет счастлив. Я понимаю, что это промежуточные решения, что последнее слово за бабушкой. Может, она имела в виду только материальную помощь и не захочет, чтобы девочка у нас осталась.

— Свет, а ты бы этого хотела? То есть, ты бы согласилась? — Аркадий волновался и путался, он чувствовал, что более сложной задачи жизнь ему до сих пор не преподносила. — Второй ребенок в доме — это непросто, ты хозяйка — тут только тебе решать. Я и так мерзко себя чувствую, потому что ничего для нее не сделал, и конечно, хотел бы взять малышку в дом, исправить, что возможно... Но решаешь ты. Пойми, я на тебя не перекладываю, я просто не могу взять и поставить тебя перед фактом.

— Аркаш, ты сам говорил, что все вопросы одним

махом не решишь, — твердо заявила Света. — Я считаю, нам надо взять к себе Алину и попробовать жить всем вместе. Всё равно ведь так пока и получается. Посмотрим, понравится ли у нас самой девочке, захочет ли она остаться. А окончательно определиться к концу лета, потому что в сентябре ей идти в школу. Думаю, к этому времени всё уже будет понятно. А ты как считаешь?

— Я считаю, ты умница, ты просто чудо! Таких, как ты, просто нет!

— А чего это вы обнимаетесь? — сварливо спросил брошенный Стас, заглядывая на кухню.

Алина, сестра Стасика

— ВОТ это да! Недаром королевича так к ней тянуло, — хлопала глазами Зоя. — Выходит, это вас они искали. Ну, то есть, Алинина бабушка, ну, то есть, Королева. Обалдеть! Песня! Нет, это мексиканская мелодрама какая-то — сиротка, выросшая в бедности, благородный папашка ничего не знал. А амулета никакого нет? Вроде еще амулет полагается.

— Заинька, не ёрничай, — попросила Света. — Я же не анекдот тебе рассказала. Нисколько это не потешно и не развлекательно. Я на самом деле горсть таблеток вчера выпила, чтобы уснуть, и сейчас голова квадратная. Какой уж там полугодовой. Решила вот с утра на воздух выйти, а там видно будет.

Они брели по пляжу, увязая по щиколотку в песке, уже нагретом солнцем. Стас убежал далеко вперед, отыскивая их прежнее место. Зоя успела разнести почту и даже забежать домой перекусить, как позвонила Света с сообщением, что есть важный разговор.

— Лучше помоги мне, — говорила старшая сестра, — подумай, как ты преподнесешь нашу новость папе с мамой

раньше, чем по городу об этом заговорят.

— У! — Зоя махнула рукой. — Как тут ни преподноси, они вконец ополчатся на Аркашку. Тебе, конечно, ничего не скажут, как всегда, а вот я буду выслушивать, какой он негодяй, как своего ребенка на тебя повесил. Свет, а ты это серьезно? Ну, взять Алину? Она хорошая девочка, но одно дело погостить, а чтобы совсем... Мне кажется, ты ничего подобного не обязана.

— Зоя, такие решения принимаются сразу, и их не меняют, — жестко ответила Света. — Ребенок ни в чем не виноват и имеет право жить в доме своего отца. Если Алина захочет, она у нас останется. Она сестра моего сына, а значит, и мне не чужая.

— А эта женщина, которая умерла... Алинина мама... — Зоя подыскивала слова.

— Послушай, ты уже взрослая. Я такие вещи должна бы говорить маме, но я говорю их тебе, во-первых, потому что ты умница и всё понимаешь, а, во-вторых, ты мой посланник, и тебе это поможет правильно обо всем рассказать родителям. Просто сообщишь, а дальше уж я сама как-нибудь. Пойми, я совершенно не в восторге от того, что у Аркадия когда-то была другая девушка. Но если себя накручивать и только об этом и думать, можно известись вконец, а всё равно ничего не изменишь. Я просто не хочу думать о женщине, которой нет! Уже нет. Понимаешь?

— Я хотела сказать, что, может, тебя поэтому Алина будет раздражать. Вдруг тебе всё время придется себя пересиливать? Я не хочу, чтобы ты приносила себя в жертву! Мне девочку жалко, но тебя — еще больше, — заявила Зоя, пояснив: — Я же эгоистка.

— Разумеется, я живой человек. Но я не испытываю неприязни к матери, которую переносила бы на дочь. Я никак не отношусь к женщине, которой нет. Для меня есть только Алина, сестра Стасика. И нет никакой жертвы.

Зоя согласно кивнула.

— Всё сломали! — кричал им Стасик и махал рукой, под-

зывая к себе.

От песочного города у воды, который они так увлеченно строили с Настей и Алиной, остались невнятные кучки, размытые волнами.

— Конечно, сломали. Так всегда бывает, — «утетила» Зоя. — И еще дождик сверху полил.

— А ты начни заново, — предложила Света. — Смотри, каналы остались. Их надо только углубить. Эти кучи можно использовать под фундаменты. А мы с Зоей пойдем расстелем одеяло вон там, под соснами.

Стас сосредоточенно смотрел на развалины, соображая, стоит ли тут что-то предпринимать.

— И как теперь всё будет? — спросила Зоя сестру.

Света пожала плечами.

— Мы позвонили вчера Любе. Она, конечно, разохалась. Сказала — рада, что нашлись Алинины родные, и, конечно, не против, если девочка пока останется у нас. Конечно, пригрозила в своем духе, мол, будет сама следить, чтобы малышке было хорошо, и всякое такое. А с Вале́й мы договорились встретиться здесь. Да вон они уже идут.

Между сосен мелькали разноцветные сарафанчики Егоровых и белая панамка. Стас сорвался с места и с криком «Алина! Настя!» помчался навстречу девочкам.

Проблема, быть или не быть городу на прежнем месте, решилась сразу: Алина сказала, что всё можно поправить, и бережно достала из пакетика давешних шишечных чело-вечков. Они сохранились в исправности. Жители были целы и невредимы, и друзья с воодушевлением начали строить им новый город.

Он получался даже лучше прежнего, потому что Алина придумала, цепляя шишки одна за другую, делать из них красивые дугообразные мосты, сразу придавшие городу нарядный вид. Шишек после дождя и ветра нападало сколько угодно и любой величины, и их можно было не экономить.

А Настя открыла еще один полезный материал, тоже во множестве валявшийся под ногами — красноватую сосновую кору. Из нее они принялись мастерить крыши, заборы, скамейки и, конечно, лодки, для которых сразу потребовалось расширить и углубить городские каналы. В мягкой коре легко проделывались отверстия для мачт, борта обтачивались железкой от конструктора, оказавшейся у Стаса в кармане.

Вот только с парусами вышла загвоздка — зеленые листья, использованные для этой цели, быстро вяли на солнце, и у флотилии получался недостойный помятый вид. Но Алина быстро нашла замену — шелуху с сосновых стволов, которой у озера было не меньше, чем коры и шишек. Тонкая, шелковистая и прочная, она подошла идеально. Скоро все корабли нарядились в золотистые паруса.

Стас радовался так, словно сам это придумал, и побежал с лодочкой к матери — показать, таща за собой Алину.

— Здравствуйте, Светлана Станиславовна, — поздоровалась Алина.

— Называй меня тетя Света, — предложила Света, — как тетю Валю.

— Хорошо.

— Как ты только выговорила такое имечко, — засмеялась Зоя, загорававшая чуть поодаль вместе с Ксюшей.

Валентина сделала ей большие глаза, чтобы она не смущала малышку. Но Алина не смутилась. Она заметно ожила после того, как навестила бабушку и убедилась, что с ней всё в порядке, никого уже не стеснялась и доверчиво ответила:

— А я тренировалась про себя, чтобы не сбиться. Как в садике. Я там думала, что никогда не смогу выговорить Маргарита Владимировна, — она сказала это быстро и без малейшей запинки, и тут же повторила отдельно, по слогам: — Ведь это такое трудное имя: Мар-га-ри-та Вла-ди-ми-ровна, правда?

— Правда, — подтвердила Света, а Зоя с пониманием заметила:

— А у меня вообще воспитательница была Октябрина Георгиевна. Это покруче будет. Я ее все Георгиновной боялась назвать. Ну, и как ты со своей Маргаритой?

— Всё время повторяла про себя, и на прогулке, и на тихом часе — и выучила.

Стасик победоносно поглядел на взрослых, как будто в этом была его заслуга:

— Ну что? Раньше у вас одна Зойка была умница, а теперь Алина тоже!

— Может, и от тебя дождемся когда-нибудь, — прибавила Зоя, но племянник уже убежал вместе с подружкой-сестренкой.

Как сохранить шишечную семью

ИГРУШЕЧНЫЙ львенок тоже не спал, топорщил усы и тарасил круглые пуговичные глаза. Впрочем, по-настоящему спят только моргающие куклы, как у Насти. У Стасика, конечно, кукол нет. Вон он спит, довольный, что она согласилась у них ночевать. Он так просил, и тетя Валя была не против, и папа Стасика перетасил в детскую комнату этот мягкий диванчик. Он гораздо удобнее раскладушки, только опять всё незнакомое вокруг, и опять не спится.

Стасик дал Алине своего любимого львенка, чтобы с ним спать. У Егоровых по ночам прибежала кошка Мифа и укладывалась или к Насте на кровать, или к Алине на раскладушку, долго возилась, топталась в ногах, а иногда лезла прямо на подушку и сразу принималась громко мурлыкать. Она немножко мешала, но с ней было уютно и совсем не страшно. А Лёва милый, мягкий, но ведь неживой, совсем не то.

Панамку для сохранности Алина надела на голову черепахе Торгиле, потому что у слона голова оказалась огромная.

А как там шишечные человечки? Она опять принесла их с собой и расставила на ночь на подоконнике. В доме тети Вали человечки тоже жили на подоконнике, но почему-то каждое утро Алина находила их разломанными. Палочки — ручки-ножки — лежали отдельно от шишек. Кто мог это сделать? В комнате, кроме них с Настей, никого не было. Мифа? Но она, уж если бы принялась играть, раскидала бы шишки по всей комнате. Она один раз попробовала их лапой, хотела скинуть на пол, но Настя строго ее отчитала, и та поняла. Правда, обиделась и ушла, гордо вскинув хвост.

Алина поднялась, чтобы проверить своих человечков. Осторожно отодвинула плотные занавески.

Целая россыпь ночных огней была перед ней совсем рядом — как на ладони. Близкие и яркие, далекие и мерцающие, убегающие вдаль цепочки. Алина вздрогнула и прислушалась сама к себе.

Но, против ожидания, знакомый страх не проснулся. Она затаилась и подождала. Но его просто не было. Девочка, проверяя, обводила глазами весь город, лежавший перед ней. Напротив — большой дом с горящими окнами, дальше — тоже большие дома. Там читают, ужинают, смотрят телевизор все те люди, которых она видела днем на улицах и на пляже. А еще дальше, наверное, живет Зоя, которая всё время над всеми смеется, но на самом деле она хорошая, любит Стасика. Как она его обнимала, когда он нашелся! А вон там — больница, в которой поправляется ее бабушка. А совсем далекие огоньки — это, наверное, уже Москва, и там другая больница, где работает дядя Валентин — хороший доктор, который всех вылечивает.

Алина посмотрела в ту сторону, где огоньки были совсем мелкими и перемигивали как будто печально. Нет, это раньше так казалось, что печально, как тете Вале —

«дрожащие огни печальных деревень». А сейчас... Алина почувствовала, как теплая волна прихлынула к сердцу — в той стороне озеро, и их пляж с песочным городом, мостами и лодками, и Сосновый Бор, и дача Егоровых, и дом тети Любы! Настя, должно быть, уже спит, и даже если вдруг проснется — рядом будут Мифа и огоньки.

Мир за окном не был незнакомым, и не был чужим. Повсюду, в какую сторону ни посмотри, жили люди, которые знают Алину, и любят, и заботятся, и, может быть, тоже сейчас думают о ней.

Свет ночных огней не был холодным и жестким. Ночные огни улыбались девочке, некоторые — весело и дружелюбно, некоторые — задумчиво и мечтательно.

— Я слышу шаги в детской, — шептала Света мужу в соседней комнате.

— Я тоже слышу. Не спит.

— Не спит. Мне говорила Валя, что она плохо засыпает. Ну что, я пойду?

— Давай я, — мужественно решил Аркадий.

— Только не испугай ее.

— Я сам боюсь.

— Тогда, может, я?

— Нет, я.

Алина не удивилась, увидев папу Стасика. Она не называла его пока ни «дядя Аркадий», ни еще как-нибудь, только, про себя, «папа Стасика». У Егоровых мама проверяет, как дети спят, а здесь, стало быть, папа, потому что Стас — мальчик.

Папа Стасика смотрел на нее с неммым вопросом, и Алина шепотом объяснила, почему не спит:

— Я встала посмотреть на моих шишечных человечков.

Папа Стасика согласно кивнул, подошел поближе, чтобы увидеть человечков, и тоже шепотом спросил, а зачем за ними присматривать — они что, убегут? Алина подумала, стоит ли, а потом все-таки рассказала о непонятных ночных нападениях и о лежащих утром по отдельности

шишках и палочках. Папа Стасика задумался над этим загадочным явлением и наконец сказал:

— Знаешь, а ведь человечков никто не ломал. Просто шишки живые.

— Живые? — Алина расширила глаза.

— Ну да. Ты не замечала, что во время дождя они сжимаются, а когда тепло, опять расправляются, растопыриваются? Они так берегут сосновые семена, которые внутри, на чешуйках. Наверное, от окна ночью веет прохладой и сыростью. Ведь все эти дни шли дожди. Вот шишки и сжимались, и сами выталкивали палочки.

— И этой ночью они сожмутся и сломаются? — тихонько спросила Алина.

— Могут. Смотри-ка, опять дождик накрапывает. Давай вот что, — придумал Аркадий. — Давай воткнем палочки покрепче. Вот так. И отнесем твоих человечков на кухню, там самое теплое и сухое место в квартире. Там они наверняка продержатся до утра.

Алина кивнула, но боязливо заметила:

— Все спят...

— А мы тихонько. И свет я только в коридоре включу, чтобы нам не споткнуться, никто и не проснется. Иди за мной.

Алина, поначалу немного боявшаяся, как бы ее человечков не приняли за мусор и не выбросили, пошла вслед за Стасиковым папой, знавшим толк в шишках.

Аркадий по одному переложил человечков на большое блюдо и поставил его поближе к плите. И когда они все оказались на блюде, заметил: двое из них были побольше, каждый сделан из двух шишек — туловище и голова, а остальные — малыши, шишечки маленькие, и из каждой просто торчат ручки и ножки. Семья, догадался он. Мама, папа и детишки, понятно сразу, можно даже не переспрашивать.

— Здесь они не замерзнут, — сказал он и предложил девочке: — А давай посидим, раз не спится. Хочешь чего-

нибудь перекусить?

Алина замотала головой.

— Вообще у нас правило — на ночь не есть, когда уже зубы почищены, — пояснил Аркадий. — Чтобы вот такое пузо, — он показал рукой предполагаемую величину, — ни у кого не отросло. — Но если очень хочется, то можно. Или ты боишься фигуру испортить?

Девочка сдержанно хихикнула и вежливо взяла из вазочки печенье.

— Может, ты не любишь такое печенье? — допытывался папа Стасика. — А что ты любишь?

Алина неопределенно пожала плечами.

— А я в детстве мечтал о шоколадном зайце, — неожиданно для себя признался Аркадий. — Знаешь, такие иногда бывают в новогодних подарках. Но мне всегда доставались наборы с карамельками.

Алина посмотрела на него вопросительно.

— И вы никогда не купили себе зайца, когда уже выросли?

— Купил. Но был разочарован. Там оказались только уши целые, а сам заяц — весь пустой.

— А я бы хотела купить много-много чупа-чупсов, — сообщила Алина доверчиво. — Знаете, такие леденцы на палочке. И отдала бы их все Стасику. Он их очень любит.

— Я очень рад, что вы дружите со Стасом, — взволнованно сказал Аркадий. — Он иногда может капризничать, ты на него, пожалуйста, не обижайся. Он маленький.

— Конечно, он же младше меня, — с терпеливой улыбкой отвечала Алина. — Он очень хороший. Я о нем рассказала бабушке. Я ей обо всех вас рассказала! — И, заметив непонимающий взгляд Аркадия, пояснила: — Ну, ведь это ей разговаривать нельзя. А мне-то можно. Я подумала, когда бабушку навещала, что же я буду просто сидеть да смотреть? И начала потихоньку рассказывать, что со мной было. И про милицейскую машину, и про тетю Валю, и про Настю с Ксюшей, и про кошку, и про Стасика, и про вас

с тетей Светой. Чтобы бабушка не беспокоилась, что я совсем одна. Я же не одна. Мне кажется, она всё слышит. И если она будет знать, что у меня всё хорошо, то скорее выздоровеет, — убежденно сказала девочка. — И мы дальше будем наших родственников искать.

— А ты знаешь о них что-нибудь?

— Ничего. Просто что они здесь где-то живут.

Аркадий быстро поднялся и взял конверт с холодильника.

— Послушай, Алина. Я... мы с тетей Светой хотели тебе завтра утром сказать, потому что утро мудренее. Но давай уж лучше сейчас, раз мы всё равно не спим. Это мы — ваши родственники. Вы с бабушкой искали нас. И мы уже нашлись.

— Настя тоже думала, что это к ним мы ехали, — задумчиво проговорила Алина. — Потому что они живут на улице Главной. А бабушка говорила, что наши родственники на этой улице живут.

— Я раньше жил на улице Главной, — сказал Аркадий, слегка удивленный, что ему не верят на слово. Собразительная девочка, ей нужны доказательства. — А потом переехал. Твоя бабушка не знала точного адреса, она написала письмо — вот это — просто так, и оно шло к нам очень долго. Поэтому мы и не знали, что вы должны приехать. Иначе, конечно, встретили бы вас, и не пришлось бы тратить время на поиски. Ты умеешь читать? Узнаешь такие буквы?

Он протянул Алине конверт. Она взглянула на него и обрадовалась:

— Конечно, это бабулечкин почерк! Я умею читать! Она такими буквами тетрадки проверяет.

Конверт был для нее такой же родной, как сама бабушка, и она прижала его к себе.

— Значит, вы и правда нашлись? Мы к вам ехали — и вот приехали!

— Я рад, что ты наконец-то не в гостях, а у себя дома.

— И я, но в гостях тоже было хорошо, только сначала грустно.

И Алина — неожиданно для себя — рассказала ему про ночные огоньки, злые и добрые, и про Лермонтова, и про любимую панамку, которую она научилась стирать, и про игру «Путешествие» с фишками из пуговиц, и еще о многих-многих важных вещах. Папа Стасика слушал внимательно и серьезно, иногда что-нибудь переспрашивал или кивал. Алина видела, что ему действительно интересно то, о чем она рассказывает, иначе бы она давно остановилась. Но она, наоборот, увлеклась. Ей нравилась его серьезность, то, что он нисколько не подшучивал и не насмехался, как обычно взрослые.

Аркадий невзначай взглянул на часы, висящие на стене и снизу загороженные «кучей Плюшкина», и ужаснулся: стрелки приближались к двенадцати. Ребенку давно пора спать! Что он творит! Но тут же безмятежно позволил себе об этом забыть: какая разница, он первый раз в жизни беседует с собственной дочерью. Он так этого боялся, когда шел к ней, зная, что она не спит. А оказалось, что с ней так легко, так тепло и непринужденно, и минуты бежали незаметно. У Алины был удивительно ровный характер, она не ломалась, не капризничала, не надувалась...

Скоро он заметил, что ресницы у дочери опускаются и слова переходят в бессвязный лепет, осторожно погладил ее по голове — точно, уснула, — бережно поднял на руки и понес в комнату. Уложил на диванчик, укрыл. Поправил одеяло у Стасика. Тот спал по-младенчески, на спине, закинув ручки за голову, а девочка — свернувшись маленьким клубочком.

— Ну что? — вопрос с порога.

Света, конечно, не спит.

— Свет, — на лице Аркадия нервная улыбка. — Она не знает, что у нее есть отец. Ей обо мне не сообщали. Ее бабушка называла меня собирательным словом «родственники». Моя дочь говорит мне «вы».

— Ничего, — уверенно отвечала Света. — Узнает от нас, и всё будет хорошо. Не сомневайся. Если хочешь, я сама могу ей сказать, хотя, думаю, у тебя лучше получится. Но давай по порядку. Доживем до утра. В настоящий момент что главное? Не как именно называются родственники, а есть ли между ними душевное тепло.

Аркадий подумал.

— Тепло есть. Ты знаешь, — оживился он. — Мы сейчас поговорили — она такая большая, такая разумная, так всё понимает. Стасикова старшая сестра! Я первый раз в жизни ощутил, что Стасик-то наш — совсем еще малыш, и чуть было не захотел начать с ним сюсюкать!

Завтра — следующий раз

— ВОТ увидите — нас там загложут комары, — предупредила Люба.

Три семьи — Егоровы, Королёвы и Ларионовы — решили собраться вместе вечером перед выходными. Но на город опять навалилась жара, сидеть в кафе, как предполагали вначале, расхотелось, и кто-то предложил погулять у озера, под соснами — там сейчас свежее.

Тропа вдоль озера была неширокой, поэтому они шли друг за другом, по двое. Три семьи, которые так сплотила за эту неделю маленькая девочка в белой панамке. Надо же, еще неделю назад они ничего о ней не знали!

— Ничего не бойтесь, — успокоила Света, показывая антикомариный спрей. — Я захватила на всякий случай, на всех хватит.

— Лучше бы он был величиной с огнетушитель, — отозвался Андрей Викторович, с сомнением глядя на флакончик.

Валентина с любопытством смотрела на Любиного мужа — некогда самого удачливого из всех женихов,

за которого она все-таки вышла замуж.

— Жаль, что нельзя о вас написать, — говорил он ей. — А я уж было вдохновился по Любиным рассказам.

— Попозже, когда я что-нибудь начну из себя представлять, — пообещала Валентина. — Видите, теперь придется оправдывать ваше вдохновение, отступать некуда.

За ними шагали Валентин и Аркадий.

— Двое — это вам не один. В дни сомнений и тягостных раздумий добро пожаловать к знатокам, дадим любую консультацию, — авторитетно предлагал Егоров.

Настя тоже давала полезный совет, только Стасику:

— Из леговских деталек можно столько всего понастроить и без всяких картинок. Вот я дома покажу...

Тропинка вывела к воде, и все рассыпались по берегу. Кто хотел, побежал купаться. Валентина присела на поваленную сосну рядом со Светой.

— Знаете, силы иногда просто сами собой откуда-то берутся, — поделились она. — Мне порой кажется, что мы изначально рассчитаны на гораздо больший жизненный груз. И те, кто, как вы, не боятся себя нагружать, и вывозят больше.

— Своя ноша не тянет, — улыбнулась Света. — А у меня еще и помощница какая есть.

— Это про меня, — пояснила Зоя. — Видели, тетя Валя, мне на площади памятник поставили? Не видели? Вот и я не видела.

Она погладила Алину по красивым волнистым волосам и предложила:

— Давай мы тебе их будем растить! Можно будет завязывать хвостик или косу заплетать.

— Я только расческой могу причесываться, я косу не умею.

— Я помогу, — великодушно заявила Зоя. — Всю жизнь мечтала кому-нибудь косички заплетать, а у Стасика только вихор на макушке.

— А комаров-то и нет! — крикнула Люба, уже успевшая

наплаваться. — Зря я вас пугала. Как хорошо, что мы сюда решили, а не в городе в духоте!

Вечер удался, все были рады подышать вечерней прохладой у озера.

— Мы в молодости всегда здесь гуляли, — рассказывала Света Валентине. — Ходить тогда в Белогорске особо было некуда, до Москвы далеко, денег негусто — и мы вечера напролет здесь бродили, и всем классом, и вдвоем с Аркадием. И знаете, это время было такое счастливое!

Аркадий, который тоже только вылез из воды, прислушался к словам жены. Да, действительно, то время было очень счастливым. Он вспомнил это так явственно, потому что сейчас ощущал почти то же самое.

— Я хочу устроить — знаете что? — начал он, но Света шепнула ему: «Я хочу — это из репертуара Стасика», и он, засмеявшись, поправился: — В следующий раз давайте здесь же шашлыки закатим! Берусь приготовить. Обещаю объединение.

— Следующий раз будет завтра? — уточнил Стас, любивший определенность.

Оглавление

Врач из Москвы	3
Чужих детей не бывает	6
Как тебя зовут?	11
Становись бизнесменом	14
У вас хорошо	16
Белая Панамка	19
Я согласна на медаль	21
Уж лучше по-хорошему	22
Конфет должно быть много	25
Она уже улыбается	28
Как я проходила кастинг	30
Теперь есть памперсы	34
Ради чего стоит чистить зубы	38
Надо поторопиться	40
Кричат хозяйева «ура!»	42
Не станем заострять	47
Ну что, подумали?	50
Дело не в количестве	53
Главное — не хлопнуть дверью	58
Это просто Лермонтов	61
Глину достанем!	64
За всё надо платить	69
В такую минуту — о велосипедике	73
Меня одурачили?	78
Никому не позволю!	80
Они похожи	84
Вы чего обнимаетесь?	88
Алина, сестра Стасика	92
Как сохранить шишечную семью	96
Завтра — следующий раз	103

Татьяна Краснова

Алина

Серия «Знакомые лица»